
ФЕЛИКС АРДЭН
ЗЕМЛЯ БОГОВ
Книга III
ХРАНИТЕЛИ ВРАТ
Том I

Феликс Ардэн

Хранители Врат

«Автор»
2026

Ардэн Ф.

Хранители Врат / Ф. Ардэн — «Автор», 2026

Что, если смерть - не конец, а граница системы, о существовании которой человечество даже не подозревает?2332 год. Леон Вельский исследует странные аномалии, связанные с межзвездным «Ковчегом». Люди в глубоком анабиозе видят один и тот же свет, серый тоннель и чувствуют чужое присутствие там, где, согласно науке, не должно быть ничего.Поиск объяснения приводит Леона к экспериментам с сознанием, старым архивам и следам человека, умершего почти три столетия назад. Чем глубже расследование, тем труднее считать происходящее галлюцинацией.Что находится по другую сторону смерти? Почему некоторые люди помнят то, чего никогда не переживали? И кто решает, куда ведет последний переход?«Хранители Врат. Том I» - начало большой истории о сознании, памяти, бессмертии и свободе выбора.Иногда первая дверь открывается именно тогда, когда человек уверен, что никаких дверей не существует.Третья книга цикла Феликса Ардэна «Земля Богов». Том I.

© Ардэн Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ ПОКИНУЛА ЗЕМЛЮ 20
ГЛАВА 2. СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ДО РАССВЕТА 34
ГЛАВА 3. КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ 64
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Феликс Ардэн
Хранители Врат

ПРОЛОГ

Станция погибала медленно.

Именно это было хуже всего.

Если бы первый удар разорвал ее целиком, никто не успел бы понять, что происходит. Свет. Вспышка. Конец.

Но центральное кольцо выдержало.

Потом выдержал второй сектор.

Потом аварийная автоматика отсекла разрушенную половину станции, и несколько тысяч существ еще почти девять минут продолжали верить, что смогут уйти.

Он тоже верил.

По крайней мере первые четыре.

- Третий коридор закрыт!

- Открывайте четвертый.

- Четвертого больше нет.

- Нижние шлюзы.

- Нижние потеряли питание.

Он обернулся.

На сферическом экране за его спиной горела планета.

Не метафорически.

Настоящим огнем.

Океаны еще отражали свет звезды, но над северным континентом уже поднималось огромное белое облако. Оно расширялось слишком быстро, чтобы быть атмосферным явлением.

Удар дошел до мантии.

Через несколько минут поверхность начнет разрываться.

Через несколько часов планеты не станет.

* * *

- Сколько кораблей ушло?

- Семьдесят два.

- Людей?

Оператор посмотрел на данные.

- Двести восемьдесят тысяч.

Он закрыл глаза.

На планете жили миллиарды.

- Следующая волна?

- Если удержим станцию еще шесть минут.

- Удержим.

Никто не ответил.

* * *

Станция строилась не для войны.

Когда-то здесь встречались маршруты двенадцати миров. Через ее кольца проходили корабли, грузы, дипломатические миссии, исследовательские группы.

Потом началась война.

Транспортные коридоры стали эвакуационными.

Навигационные узлы получили оружие.

Местная автоматика научилась закрывать маршруты без ожидания ответа от центральной сети.

И появился аварийный ключ.

Один.

На случай, если принимать решение придется быстрее, чем смогут договориться двенадцать систем.

Тогда это казалось разумным.

* * *

- Состояние переходного контура?

- Семьдесят один процент.

- Локальные узлы?

- Пять из восьми.

- Центральный ключ?

- У вас.

Он посмотрел на тонкую светлую полосу на запястье.

Она появилась там три года назад, когда Совет передал ему аварийное командование станцией.

Он ненавидел ее.

И слишком часто был благодарен за то, что она существует.

* * *

Они были похожи на людей.

Почти.

Выше.

Тоньше.

Кожа отражала свет серебром, особенно возле глаз и висков. В молодости он никогда этого не замечал. Здесь, среди аварийных огней, лица казались сделанными из металла.

И очень красивыми.

Даже сейчас.

Особенно сейчас.

* * *

На главном экране возникло новое сообщение.

ВНЕШНИЙ УДАР ЧЕРЕЗ 02:41

- Откуда?

- Мы не видим источник.

- Тогда откуда знаете время?

- Пограничные узлы фиксируют изменение поля.

Он посмотрел на планету.

- Это не по ней.

Оператор молчал.

- По станции.

- Да.

* * *

Значит, их заметили.

Пока станция работала, оставался путь наружу.

Пока оставался путь, уничтожение планеты ничего не заканчивало.

- Все оставшиеся корабли на запуск.

- Они не заполнены.

- Не ждать.

- Там еще идут люди.

- Знаю.

- Если запустим сейчас…

- Знаю.
Он сказал это слишком громко.
Оператор отвернулся.
* * *
На боковом экране появились изображения эвакуационных коридоров.
Люди бежали.
Кто-то нес детей.
Кто-то тащил раненых.
Кто-то останавливался у закрытых шлюзов и просто смотрел на двери.
Он искал только одно лицо.
Потом второе.
Потом третье.
Нашел.
* * *
Жена держала младшую дочь за руку.
Старший сын шел рядом.
На его плече была кровь.
Но шел сам.
- Увеличить сектор семь.
Изображение стало ближе.
Жена вдруг подняла голову.
Прямо к камере.
Конечно, она не могла видеть его.
Но на мгновение ему показалось, что видит.
- Вы на корабле, - прошептал он. - Просто дойдите.
* * *
ВНЕШНИЙ УДАР ЧЕРЕЗ 01:48
- Их корабль?
- Эвакуационный сорок первый.
- Готовность?
- Восемьдесят три процента.
- Запускайте.
- Командир…
- Запускайте.
* * *
По станции прошла дрожь.
Не удар.
Что-то глубже.
Пространство вокруг них на мгновение перестало совпадать само с собой.
Несколько операторов вскрикнули.
По металлическому полу побежали тонкие линии белого света.
- Что это?
- Не знаю.
- Защита?
- Нет.
* * *
Оператор переходного контура внезапно поднялся.
Его лицо стало почти белым.
- Они вошли в сеть.

- Кто?
- Не знаю.
- С какой стороны?
Пауза.
- Система не может определить.
* * *
Он подошел ближе.
На карте станции появились новые линии.
Они не шли от внешнего пространства.
Не шли от планеты.
Не начинались ни в одном известном узле.
Просто возникали внутри схемы.
- Это невозможно.
- Да.
- Значит, ошибка.
- Три независимых слоя видят одно и то же.
* * *
На экране загорелось предупреждение.
НЕИЗВЕСТНЫЙ МАРШРУТ
КОНЕЧНАЯ ТОЧКА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА
- Закрыть.
Оператор уже протянул руку.
И остановился.
- Не принимает.
- Почему?
- Маршрут не зарегистрирован как внешний.
- Тогда как внутренний?
- Тоже нет.
* * *
Он почувствовал неприятный холод.
- Оставьте наблюдение. Не входить.
- Принято.
* * *
01:12
* * *
Корабль сорок один оторвался от станции.
На экране маленькая серебристая точка ушла вниз, к группе других кораблей.
Он увидел ее.
Еще несколько секунд.
Потом она исчезла за обломками внешнего кольца.
Он выдохнул.
Семья ушла.
Не спаслась.
Пока только ушла.
Этого было достаточно.
* * *
- Командир, ваш корабль готов.
- Нет.

- Последний командный шлюз открыт.
- Уходите.
- А вы?
- Кто-то должен держать переход.
- Он автоматический.
- Уже нет.
* * *
Оператор посмотрел на белые линии на полу.
Они становились ярче.
- Это не отказ системы.
- Знаю.
- Тогда что?
Он посмотрел на центральную карту.
- Кто-то пытается изменить правила доступа.
* * *
00:49
* * *
- Можно отключить внешнее управление?
- Мы уже отключены.
- Отсоединить центральную сеть.
- Сделано.
- Тогда почему шлюзы закрываются?
- Команды идут изнутри станции.
- Откуда?
- Не могу определить.
* * *
Один шлюз погас.
Потом второй.
На карте станции исчезали выходы.
Не разрушались.
Закрывались.
* * *
- Кто это делает?
Оператор смотрел на данные.
- Система признает команды действительными.
- Чьи?
- Нет идентификатора.
- У любой команды есть идентификатор.
- У этой нет.
* * *
На главном экране появилась строка.
На языке, которого он не видел раньше.
Перевод возник автоматически.
ПЕРЕХОД ЗАПРЕЩЕН
Он замер.
- Отменить.
- Не принимает.
- Аварийный ключ.
- Командир…

- Ключ.
* * *
Он приложил ладонь к панели.
Светлая полоса на запястье вспыхнула.
ЕДИНОЛИЧНОЕ АВАРИЙНОЕ ПОЛНОМОЧИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО
ПРИНУДИТЕЛЬНО ОТКРЫТЬ ЭВАКУАЦИОННЫЕ ВРАТА?
- Да.
* * *
Три шлюза открылись.
Люди хлынули вперед.
Еще два корабля начали запуск.
* * *
На секунду он почувствовал облегчение.
Потом система вывела второе сообщение.
НЕИЗВЕСТНЫЙ КОНТУР ЗАПРАШИВАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ УДЕРЖАНИЕ
Он перечитал.
- Что значит удержание?
- Не знаю.
- Отказать.
- Уже.
* * *
ОТКАЗ НЕ ПРИНЯТ
* * *
Оператор посмотрел на него.
- Такого не бывает.
* * *
Появилась новая строка.
СОХРАНЕНИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТ НАД ВЫХОДОМ
Он нахмурился.
- Что за непрерывность?
- Термин не наш.
- Откуда перевод?
- Система строит по смыслу.
* * *
Третий корабль ушел.
Четвертый не успел.
Его шлюз закрылся в момент запуска.
- Откройте!
- Не могу!
- Центральный ключ!
- Контур больше не признает его.
* * *
На экране появилось:
ОСТАВАЙТЕСЬ
* * *
По спине прошел холод.
Не из-за слова.
Из-за того, как оно было сформулировано.
Не просьба.

Не предупреждение.
Решение.
* * *
- Всем покинуть командный сектор.
- Командир…
- Сейчас.
* * *
Операторы не двигались.
Он поднял руку с ключом.
- Я остаюсь держать локальный контур. Вы уходите через шестой шлюз.
- Если он закроется?
- Тогда открою.
- А если ключ снова не примет?
Он посмотрел на молодого оператора.
- Тогда будете злиться на меня уже снаружи.
* * *
Кто-то усмехнулся.
Очень коротко.
Потом они ушли.
* * *
Он остался один.
* * *
00:31
* * *
За прозрачной стеной вращалась планета.
Красиво.
Почти спокойно.
Если не смотреть на белое облако, закрывшее половину континента.
Он подумал о семье.
Интересно, видят ли они станцию из корабля.
Наверное, нет.
Слишком далеко.
Хорошо.
* * *
Белые линии дошли до центрального ядра.
Свет поднялся по стенам.
На секунду станция исчезла.
Он оказался в другом месте.
* * *
Темнота.
Не космос.
Просто отсутствие пространства.
Он попытался сделать шаг.
Не смог.
Ноги были свободны.
Руки тоже.
Но двигаться было некуда.
Будто тело оказалось внутри твердой стены.
Он толкнул.

Ничего.
Сильнее.
Ничего.
* * *
- Что происходит?
Голос не ушел дальше него самого.
* * *
В темноте появились лица.
Нет.
Не лица.
Маски.
Четыре.
Они стояли полукругом.
Абсолютно неподвижные.
Он не понимал, из чего они сделаны. Света не было, но он видел каждую.
У одной вытянутое лицо.
У другой почти отсутствовал рот.
Третья казалась человеческой.
Четвертую он никак не мог удержать взглядом. Каждый раз, когда пытался рассмотреть ее, форма менялась.
* * *
- Кто вы?
Никто не ответил.
Он попытался вырваться.
Стена стала плотнее.
Сдавила плечи.
Грудь.
Бедра.
Как будто вокруг него действительно клали камень.
Слой за слоем.
* * *
В темноте появилась строка.
Та же, что на станции.
СОХРАНЕНИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ
* * *
Он не понимал слов.
Но понимал происходящее.
Его не убивали.
Его удерживали.
* * *
- Я должен уйти.
Четыре маски смотрели.
- Вы слышите?
Последний свободный участок пространства перед лицом стал уже.
Он почувствовал настоящий страх.
Не страх смерти.
Что-то другое.
Гораздо хуже.
* * *

- Моя семья там.
Одна из масок наклонила голову.
Голос прозвучал сразу с нескольких сторон.
- Они уже ушли.
- Тогда отпустите меня.
* * *
Темнота приблизилась.
- Нет.
Он толкнулся всем телом.
Бесполезно.
- Я сказал, отпустите!
Вторая маска произнесла:
- Переход опасен.
- Это решаю я.
Третья:
- Ты не понимаешь риск.
- Тогда объясните!
- Недостаточно времени.
* * *
Он замер.
Даже здесь.
Даже сейчас.
Та же логика.
Мы знаем больше.
Поэтому решим за тебя.
* * *
- Откройте.
- Нет.
- Это мой путь.
- Нет.
- Моя жизнь.
- Больше нет.
* * *
Четвертая маска приблизилась.
Он наконец увидел ее.
И понял, что никакой маски нет.
Там было его собственное лицо.
* * *
- Ты не уйдешь.
* * *
Последний просвет закрылся.
Темнота.
* * *
И сразу свет.
* * *
Он снова стоял на станции.
Сирены.
Красные аварийные лампы.
Главный экран.

Планета.
На счетчике:
00:07
* * *
Он посмотрел на руки.
Светлая полоса аварийного ключа исчезла.
* * *
- Центральный контур?
НЕДОСТУПЕН
- Локальные шлюзы?
ДВА ДОСТУПНЫ
- Кто управляет удержанием?
Пауза.
НЕ ОПРЕДЕЛЕНО
* * *
00:06
* * *
На карте эвакуации корабль сорок один уже уходил из системы.
Семья была далеко.
Он почувствовал их.
Не увидел.
Не получил сигнал.
Просто вдруг знал, что они там.
Живы.
Напуганы.
Вместе.
* * *
00:04
* * *
Он закрыл глаза.
И на мгновение оказался рядом с ними.
Не телом.
Не знал как.
Жена сидела у иллюминатора.
Дочь плакала.
Сын держал мать за плечо.
Он обнял их всех.
Никто не почувствовал.
Или почувствовал.
Жена вдруг подняла голову.
* * *
00:03
* * *
Система неожиданно заговорила.
Не аварийным голосом.
Другим.
Тихим.
Очень старым.
- Подтвердите текущую волю.

Он открыл глаза.
- Что?
- Подтвердите текущую волю.
* * *
На центральном экране появилось:
ОСТАТЬСЯ В СТАБИЛИЗАЦИИ
ПОПЫТАТЬСЯ ВЫЙТИ
ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВЫБОРА
* * *
Он не понимал, откуда взялся этот слой.
Но на этот раз никто не выбирал за него.
* * *
- Выйти.
РИСК НЕ ОПРЕДЕЛЕН
- Знаю.
ВОЗВРАТ НЕ ГАРАНТИРОВАН
- Знаю.
ПОДТВЕРДИТЕ
Он посмотрел на удаляющуюся точку корабля.
- Подтверждаю.
* * *
00:02
* * *
Белые линии вокруг него изменились.
Удерживающий контур отпустил.
Не полностью.
Появилась щель.
Крошечная.
Никакая станционная система не назвала бы ее маршрутом.
Но он почему-то сразу понял, что это выход.
* * *
Он сделал шаг.
Не телом.
И только тогда увидел собственное тело со стороны.
Оно по-прежнему стояло перед центральной панелью.
Одна ладонь лежала на погасшем аварийном ключе.
Глаза были открыты.
* * *
Он попытался вернуться.
Не смог.
И впервые понял, что именно произошло.
Тело осталось на станции.
Он сам уже был не в нем.
* * *
00:01
* * *
На панели рядом с его неподвижным телом возникло последнее сообщение:
БИОЛОГИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ: КРИТИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ
НЕПРЕРЫВНОСТЬ: ВНЕ ЛОКАЛЬНОГО КОНТУРА

НАПРАВЛЕНИЕ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО
* * *
Он увидел корабль сорок один.
Не глазами.
Просто знал, где он.
Хотел сказать семье, что все хорошо.
Но это было бы неправдой.
Поэтому сказал другое.
- Идите.
* * *
Удар пришел без звука.
* * *
Физическая станция исчезла.
Вместе с телом командира.
* * *
Но он еще несколько мгновений видел вспышку снаружи.
Потом исчезла планета.
Исчезли корабли.
Исчезла сама звезда.
Осталось движение.
Без пространства.
Без тела.
Без понимания, куда оно ведет.
* * *
Позади него что-то открылось.
Он обернулся.
Четыре маски стояли далеко.
Уже не могли удержать.
Одна подняла голову.
Он не услышал голос.
Но смысл пришел отчетливо.
ВЕРНИСЬ.
* * *
Он ответил:
- Нет.
И пошел дальше.
* * *
Куда именно, он не знал.
Это был первый путь в его жизни, который никто не проложил заранее.
* * *
Много позже кто-то найдет остатки станции.
Слишком мало, чтобы понять назначение.
Металл неизвестного состава.
Фрагменты внутренних колец.
Поврежденное ядро.
И тело командира в разрушенном командном секторе.
* * *
Именно оно станет одной из главных загадок находки.
Тело погибло мгновенно.

Но журнал станции за одну целую восемь десятых секунды до разрушения зафиксировал невозможную последовательность.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ: УТРАТА
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ СИГНАЛ: СОХРАНЕН
ЛОКАЛИЗАЦИЯ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ СТАНЦИИ
МАРШРУТ: НЕИЗВЕСТЕН

А затем:

ТЕКУЩАЯ ВОЛЯ: ВЫХОД
ВЫХОД ПОДТВЕРЖДЕН

* * *

Исследователи решат, что это ошибка поврежденной системы.

Другого объяснения у них не будет.

* * *

Последний журнал окажется почти уничтожен.

Удастся восстановить только отдельные строки.

…ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КЛЮЧ…
…УДЕРЖАНИЕ…
…ТЕКУЩАЯ ВОЛЯ…
…НЕ ЗАКРЫВАТЬ…

И фразу, которую много лет будут считать поврежденной технической командой:

ХРАНИТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН ВЫБИРАТЬ ДВЕРЬ.

Последняя строка будет без подписи.

Без времени.

Без указания источника.

ВРАТА ДОЛЖНЫ ОСТАТЬСЯ ОТКРЫТЫМИ.

* * *

Через много тысяч лет на другой планете ребенок проснется среди ночи.

Ему будет семь лет.

Он не будет знать ни этой станции, ни погибшей планеты, ни серебряных кораблей.

Не будет помнить войны.

Не будет помнить женщину у иллюминатора и двух детей рядом с ней.

Не будет помнить, как впервые увидел собственное мертвое тело со стороны.

* * *

Но в кошмаре он каждый раз будет доходить до одного и того же места.

Четыре маски.

Стена.

Невозможность пошевелиться.

Чужая уверенность в том, что ему нельзя уходить.

И слова:

- Ты не уйдешь.

* * *

Иногда перед пробуждением будет еще одно мгновение.

Очень короткое.

В нем он увидит яркую вспышку позади.

И услышит собственный голос:

- Идите.

Он никогда не поймет, кому это говорит.

* * *

Утром у него поднимется температура.

Мать скажет, что он снова заболел.

Ровно как год назад.

И два года назад.

Она не обратит внимания на дату.

Ребенок обратит.

Потому что уже умеет считать.

11 ноября.

* * *

Так будет еще несколько лет.

Потом появится врач.

Женщина с теплыми руками и удивительно спокойным голосом.

Она будет осматривать его как обычного больного ребенка, выписывать лекарства и каждый раз почему-то задерживаться рядом чуть дольше, чем требовал прием.

Рядом с ней ему впервые не будет страшно болеть.

Через год болезнь перестанет приходить по расписанию.

Исчезнет и сон.

Маски больше не вернутся.

* * *

Мальчик вырастет.

Почти все забудет.

Серебряные лица останутся странным ощущением.

Огромная станция превратится в сон, которого вроде никогда не было.

Слова текущая воля, удержание, переход ничего для него не будут значить.

И он никогда не узнает, принадлежали ли эти воспоминания ему, кому-то до него или были всего лишь способом детского мозга придать форму страху.

* * *

Но одна вещь останется.

Уверенность, происхождения которой он не сможет объяснить.

Что самое страшное происходит не тогда, когда дверь закрыта.

А тогда, когда кто-то по другую сторону уверен, что имеет право решить за тебя, должна ли она открыться.

* * *

Через много лет человечество построит корабли, способные уходить к другим звездам.

На Марсе появятся города.

Тысячи людей уснут в межзвездном Ковчеге.

Ученые научатся поддерживать сознание у самой границы смерти.

И один человек обнаружит в архиве запись, которой там быть не должно.

К тому времени никто уже не будет помнить уничтоженную станцию.

Четыре маски.

Серебряные лица.

Аварийный ключ.

И командира, который погиб вместе со своей станцией, но почему-то успел покинуть ее после собственной смерти.

Это не будет иметь значения.

Потому что система тоже ничего не помнила.

Она просто снова начала задавать тот же вопрос.

КТО ИМЕЕТ ПРАВО РЕШАТЬ, КУДА ДОЛЖЕН УЙТИ ЧЕЛОВЕК?

ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ ПОКИНУЛА ЗЕМЛЮ

С такого расстояния Солнечная система казалась пустой.

Черный океан пространства, редкие точки звезд и Солнце, уже почти потерявшее право называться огромным. Чуть более яркая звезда среди множества других.

Но человек 2332 года видел другую картину.

По внутренней системе двигались тысячи кораблей. Большинство были слишком малы, чтобы различить их непосредственно, однако пространство выдавало присутствие цивилизации по следам. Грузовые маршруты между Марсом и Поясом, транспортные окна возле Юпитера, станции солнечного сбора, военные ретрансляторы, научные платформы, орбитальные города.

Человечество покинуло Землю.

Но Земля осталась внутри человечества.

В языках. В законах. В старых границах, перенесенных сначала на Луну, потом на Марс и астероиды.

Она оставалась даже в тех людях, которые никогда не видели настоящего океана и считали естественным родиться в цилиндрическом городе, где горизонт изгибался вверх.

Леон Вельский относился именно к таким людям.

Океан он впервые увидел в двадцать три года.

Настоящий.

Не марсианское мелководье, которому слишком старательно дали земное название, и не гигантские резервуары под куполами первых колоний.

Атлантика показалась ему пугающей.

Слишком много воды.

Слишком далеко уходящий горизонт.

Слишком естественная вещь для планеты, которая ничего не делала, чтобы поддерживать собственную пригодность для жизни.

На Марсе все было иначе.

Там любой лес существовал потому, что кто-то обслуживал климатический узел.

Каждое озеро имело историю инженерных решений.

Воздух был результатом многовековой работы.

В детстве Леон долго не понимал, почему земные дети в старых записях так спокойно смотрят на небо.

Марсианский ребенок очень рано узнавал, что небо тоже является инфраструктурой.

Наверное, поэтому Леону нравились системы.

У любой сложной вещи должна была быть причина.

А если причина пока неизвестна, ее можно найти.

Станция дальней связи Гелиос-7 висела далеко за основной земной орбитальной инфраструктурой.

Большую часть операций здесь давно выполняла автоматика. Когда станцию проектировали, предполагалось, что работать на ней будут тысячи человек. Теперь осталось меньше трехсот, и просторные коридоры создавали странное ощущение города, из которого большая часть жителей куда-то ушла.

Леон стоял перед обзорной панелью и смотрел на Солнце.

Настоящего окна здесь, конечно, не было. Изображение поступало с внешних сенсоров, яркость автоматически корректировалась.

Он это знал.

И все равно воспринимал панель как стекло.

Наверное, человеку требовалось чувствовать между собой и космосом какую-нибудь понятную границу.

Последние годы Леон особенно ценил границы.

В квартире на Марсе у него все еще оставалась одна закрытая секция шкафа с чужими вещами.

Она могла забрать их несколько месяцев назад.

Он мог сам отправить контейнер.

Оба почему-то ничего не делали.

Развод оказался намного прозаичнее, чем Леон ожидал.

Никакого финального разговора, после которого все становится понятно.

Просто однажды выяснилось, что двое людей слишком долго жили рядом, надеясь, что близость можно восстановить количеством совместных лет.

После этого стало тихо.

Тишина на Гелиосе была проще.

Она ничего от него не хотела.

Позади открылась дверь.

- Ты опять здесь.

Леон не обернулся.

- А где мне еще быть?

- У себя.

- Я у себя.

- Ты живешь на Марсе.

Он чуть улыбнулся.

- Юридически.

В отражении появилась Рея Кастель. Она поставила на узкую полку два контейнера.

- Кофе.

Леон взял один.

- Настоящий?

- Если под настоящим ты подразумеваешь выращенный в биореакторе субстрат с правильно подобранными ароматическими молекулами, то да.

- Значит, нет.

- Тогда можешь не пить.

Он сделал глоток.

За три столетия человечество научилось почти безошибочно воспроизводить вкус кофе, выращивать человеческие органы и поддерживать жизнь на Марсе.

С людьми прогресс оказался скромнее.

- Ты поэтому задерживаешь возвращение? - спросила Рея.

Леон посмотрел на нее.

- Что?

- Все равно через три недели домой.

- Я не задерживаю.

- Ты третий раз продлеваешь смену.

- Нам нужен человек на анализе анабиоза.

- Нам нужен специалист. Специалистом необязательно должен быть конкретно ты.

Леон снова отвернулся к панели.

- Мне здесь нравится.

- Я заметила.

Рея знала про развод.

Почти все на станции знали. Не потому что Леон рассказывал, а потому что несколько месяцев назад он перестал заканчивать смены вовремя.

- Я нормально возвращаюсь домой, - сказал он.

- Я ничего не сказала.

- Ты именно это сказала.

- Хорошо. Тогда я сказала.

Леон покрутил контейнер в руках.

На Марсе его ждала квартира, которую они когда-то выбирали вдвоем.

Кухня, рассчитанная на двоих.

Слишком широкая кровать.

Собака соседки, которая каждый раз радовалась ему больше, чем кто-либо из людей в доме.

Все это было домом.

Просто теперь Леон не очень понимал, что именно делает место домом после того, как из него уходит человек.

В нижней части панели появилось сообщение о приближении грузового буксира с Цереры.

За ним шел медицинский транспорт.

Когда-то людям казалось, что выход в космос превратит цивилизацию в непрерывное великое путешествие.

На деле огромная часть межпланетной жизни состояла из перевозки воды, руды, оборудования, продуктов, лекарств и людей.

- Через сорок минут сеанс, - сказала Рея.

- Знаю.

- Ты видел последний пакет с Ковчега?

- Еще нет.

- Тогда почему стоишь здесь?

- Потому что он никуда не исчезнет за эти сорок минут.

Она отпила кофе.

- Иногда я не понимаю, как ты удержался в программе столько лет.

- Хорошие показатели.

- У тебя ужасный характер.

- Он не входит в метрики.

- Пока.

Леон усмехнулся.

С Реей было легко.

Она не пыталась его чинить.

Наверное, именно поэтому он позволял ей говорить вещи, за которые другого человека давно послал бы к черту.

- Что там у вас на Марсе? - спросила она.

- С чем именно?

- С климатическими узлами.

Он нахмурился.

- Пока переговоры.

- Северный блок опять говорит о выходе из соглашения.

- Он говорит об этом третий месяц.

- Земля перебросила два патрульных соединения к лунным базам.

- Земля делает это каждый раз, когда Марс слишком громко произносит слово автономия.

Марс давно перестал быть мертвой красной пустыней.

Возле крупных городов росли леса, существовали мелководные моря, в большинстве заселенных районов человек мог выйти наружу без герметичного костюма.

Но вся эта жизнь пока зависела от огромной климатической системы.

Орбитальные зеркала.

Подземные станции.

Контроль газового состава.

Водные циклы.

Марсианские администрации считали эту инфраструктуру своей.

Земные консорциумы напоминали, кто финансировал ее строительство.

Автономисты использовали слово оккупация.

Леон всю жизнь слышал эти споры.

Его отец называл себя марсианином и терпеть не мог, когда в документах родной город Леона обозначали как внеземную территорию человеческого заселения.

Мать считала подобные разговоры политическим идиотизмом.

Сам Леон долго утверждал, что ему все равно.

Это было удобно.

Но каждый раз, когда кто-нибудь с Земли говорил о Марсе как о колонии, он чувствовал короткое неприятное раздражение.

Значит, все-таки не все равно.

- Когда возвращаешься? - спросила Рея.

- Через три недели.

- Если вернешься.

- Не начинай.

- У тебя сектор рядом с Арсием. Там демонстрации каждую неделю.

- Демонстрации еще не война.

Произнеся это, Леон сам почувствовал, насколько неубедительно прозвучала фраза.

Рея тоже услышала.

Но на этот раз не стала шутить.

- Кай написал?

- Вчера.

- И?

- Сказал, что встретит.

- Тогда хотя бы не геройствуй.

- В чем?

- Ты прекрасно знаешь.

Леон ничего не ответил.

Он не любил, когда беспокойство о нем становилось видимым.

Оно создавало обязательство беспокоиться в ответ.

А с обязательствами после развода у него были сложные отношения.

Рея посмотрела на часы.

- Пойдем.

Они вышли из обзорного сектора.

На переходе между кольцами искусственной гравитации Леон машинально коснулся стены.

Рея заметила.

- Ты до сих пор это делаешь?

- Что?

- Проверяешь стену.

- Ритуал.

- Ты религиозен?

- Только при смене направления пола.

Дверь лаборатории открылась заранее.

На центральном экране висела схема Ковчега.

Корабль не был похож на старые фантазии о звездолетах. Огромная длинная конструкция вокруг центрального позвоночника. Жилые секции, резервуары, производственные модули, радиаторы, двигательная система, защита.

Его строили почти двадцать лет.

Потом человечество наконец отправило людей к другой звезде.

На борту спали 3128 человек.

Еще 641 будущий человек находился в эмбриональных банках.

До Альфы Центавра оставалось около ста пятидесяти лет.

Леон родился уже после старта Ковчега.

В детстве он воспринимал экспедицию почти как сказку.

Учителя показывали детям траекторию корабля на звездной карте. Объясняли, что люди на борту проснутся возле другого солнца. Рассказывали, как там построят первый человеческий город.

Леон тогда спросил:

- А те, кто его отправил, увидят?

Учительница ответила:

- Нет.

Это поразило его сильнее самой идеи межзвездного перелета.

В детском мире все большие дела делались ради результата.

Ты строил модель, чтобы увидеть ее готовой.

Сажал растение, чтобы оно выросло.

Учился, чтобы получить профессию.

А здесь тысячи людей работали десятилетиями над тем, чего никогда не увидят завершенным.

Уже взрослым Леон понял, что именно эта мысль привела его в программу.

Ковчег был редким человеческим проектом, в котором будущее оказалось важнее личного срока жизни.

Ему хотелось быть частью чего-то подобного.

Возможно, потому что собственное будущее он всегда представлял хуже, чем чужое.

- Пакет загружен, - сказала Рея.

На экране появились показатели экипажа.

Температуры.

Метаболизм.

Состояние тканей.

Нейронная активность.

Анабиоз давно перестал быть экспериментом, но межзвездный вариант оставался сложнее обычного медицинского сна.

Мозг нельзя было полностью отключить.

При слишком высокой активности возникала другая проблема.

Человек мог проспать реальный месяц и субъективно прожить внутри сна годы.

Для путешествия длиной в столетия это было неприемлемо.

Леон отвечал за тот узкий режим, где мозг продолжал существовать, не создавая полноценной внутренней жизни.

Иногда ему казалось странным, насколько близко его профессия подошла к вопросу, который люди задавали тысячелетиями.

В какой момент человек остается человеком, если сознание почти исчезает?

Но в работе такие вопросы были бесполезны.

На панели не существовало графика души.

Были нейроны.

Кислород.

Электрическая активность.

Вещи, которые можно измерить.

Это Леона устраивало.

- Сектор восемнадцать нормальный, - сказала Рея.

- Вижу.

- Двадцать первый тоже.

Леон открыл историческую динамику.

- У двадцать третьего температурный дрейф.

- Ноль целых четыре.

- Было ноль целых один.

- Допуск до единицы.

- Я знаю.

На соседней панели вспыхнул желтый маркер.

Леон повернул голову.

- Это что?

Рея открыла уведомление.

- Корреляционная ошибка. Сектор четыре.

Леон вывел данные.

Шесть капсул.

Потом нахмурился.

- Почему здесь пятый сектор?

Рея тоже заметила.

- Значит, не локальный контроллер.

На экране появились шесть графиков мозговой активности.

Леон наложил их друг на друга.

Кривые почти совпали.

Усталость исчезла.

Рея знала этот его взгляд.

Так Леон смотрел на вещи, которые не укладывались в модель.

Именно в такие моменты он становился самым живым.

- Это уже интереснее, - сказал он.

Система предложила стандартное объяснение:

КОРРЕЛЯЦИЯ ДАННЫХ ВСЛЕДСТВИЕ ВРЕМЕННОЙ ПОГРЕШНОСТИ СИНХРОНИЗАЦИИ.

- Часы, - сказала Рея.

Леон покачал головой.

- Временная ошибка может сдвинуть событие. Она не заставит шесть мозгов выдать один рисунок.

Он поднял исходные пакеты.

Совпадение осталось.

- Родственники?

Система сопоставила биографии.

Ничего очевидного.

Леон приблизил временную шкалу.

Первый всплеск появился у одной капсулы.

Через несколько миллисекунд у второй.

Потом у остальных.

- Похоже на распространение, - сказала Рея.

- Похоже.

- Но между ними нет прямой связи.

Леон открыл схему корабля.

Капсулы находились в разных отсеках.

Внутри него появилось знакомое чувство.

Он любил момент, когда привычное объяснение ломалось.

Не саму поломку.

Промежуток после нее.

Короткое пространство, в котором мир снова становился неизвестным.

В такие моменты он забывал о Марсе, разводе, пустой квартире и необходимости отвечать на сообщения.

Оставалась задача.

Чистая и понятная.

Он отправил запрос на диагностику.

- А пока? - спросила Рея.

- Поднимем архив.

- За весь полет?

- Да.

Она посмотрела на него.

- Иногда я начинаю понимать, почему ты развелся.

Леон замер всего на долю секунды.

Рея сразу поняла, что попала не туда.

- Извини.

Он пожал плечами.

- Все нормально.

Но нормально не было.

Не потому, что фраза обидела.

Потому что когда-то почти то же самое сказала жена.

Ты умеешь часами смотреть на проблему, пока она не сдастся.

Со мной ты почему-то решил, что можно просто подождать.

Леон не любил вспоминать тот разговор.

Главным образом потому, что до сих пор не придумал хорошего ответа.

- Запускай архив, - сказал он.

Рея больше к теме не возвращалась.

* * *

Через несколько часов лаборатория выглядела почти так же.

Только на столе стало больше пустых контейнеров.

Система нашла старые совпадения.

Самый крупный эпизод произошел одиннадцать лет назад и затронул девятнадцать человек.

Тогда автоматика связала его с коррекцией охлаждения.

Леон проверил временную метку.

Коррекция произошла позже.

Он построил частоту событий по годам.

Первые годы после старта были почти пустыми.

Затем аномалии стали появляться чаще.

Особенно заметно в последние годы.

Леон добавил расстояние до Земли.

Получилась зависимость.

Он долго смотрел на нее.

Чем дальше Ковчег уходил от Земли, тем чаще возникали синхронные всплески у людей, которые никак не должны были ощущать друг друга.

Леон почувствовал уже не профессиональный азарт.

Что-то другое.

Пока слишком слабое, чтобы назвать тревогой.

Скорее сопротивление.

Ему хотелось найти ошибку.

Очень конкретную.

Простую.

Чтобы через час можно было откинуться в кресле и посмеяться над тем, сколько времени они потратили.

- Нет, - сказал он.

- Что нет?

- Не нравится.

Рея посмотрела на график.

- Потому что слишком красиво?

Он повернулся к ней.

- Именно.

Она улыбнулась.

- Я слишком долго с тобой работаю.

Леон изменил параметры выборки.

Убрал слабые случаи.

Результат сохранился.

Проверил корреляцию с расстоянием от Солнца.

Она была хуже.

С Землей совпадение получалось сильнее.

И теперь ему действительно стало неуютно.

Земля не должна была иметь отношения к мозгу человека, спящего за триллионы километров от нее.

Он поймал себя на мысли, что смотрит на маленькую синюю точку в схеме Солнечной системы.

Не на Солнце.

Именно на Землю.

Почему?

- Ты опять ушел, - сказала Рея.

- Куда?

- В себя.

- Я здесь.

- Физически.

Леон закрыл карту.

- Поднимем нейронные зоны.

На трехмерной модели мозга вспыхнули несколько областей.

Рея прищурилась.
- Речевые центры?
- Частично.
- Они что-то говорят?
- Моторной активности нет.
- Я не про рот.
Леон посмотрел на нее.
- Внутренняя речь.
- Именно.
Он задумался.
- Можно попробовать восстановить общий семантический паттерн.
- Насколько точно?
- Для конкретной фразы бессмысленно. Для отдельного понятия шанс есть.
- Пробуй.
Разрешение медицинской этики пришло через двадцать три минуты.
Первые результаты были почти бесполезны.
Шум.
Слабые совпадения.
У третьего участника система предложила несколько коротких слов.
Леон уже собирался закрыть окно, когда Рея сказала:
- Верни.
Она указала на один вариант.
Проверили другого.
То же слово оказалось среди возможных результатов.
Потом еще у одного.
Уверенность оставалась слишком низкой.
Леон сам хотел это подчеркнуть.
Низкая достоверность.
Плохая индивидуальная калибровка.
Слишком широкие семантические классы.
Это были нормальные научные причины ничего пока не чувствовать.
Они запустили анализ всего эпизода.
Пока система работала, Леон открыл сообщения.
От матери:
Ты опять пропал. Хотя бы напиши, что живой.
Он усмехнулся.
Написал:
Живой. Работаю.
Несколько секунд смотрел на ответ.
Потом добавил:
Вернусь в феврале. Заеду.
Он уже собирался отправить, но стер вторую строку.
Мать жила на Земле.
Он не был у нее почти год.
Каждый раз находилась причина.
Проект.
Марс.
Перелеты.
Развод.

В общем списке важных дел семья почему-то всегда проигрывала тому, что имело официальный срок исполнения.

Леон отправил только первое сообщение.

Почувствовал легкий стыд.

И закрыл окно.

Анализ завершился.

Система обнаружила похожую активность уже у тридцати пяти человек.

- Этого не может быть, - сказала Рея.

Леон проверил временные отметки.

Все произошло внутри четырнадцати секунд.

Он открыл объединенную семантическую реконструкцию.

НИЗКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ниже:

НАИБОЛЕЕ ЧАСТО СОВПАДАЮЩИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАТТЕРН

Одно слово.

СВЕТ

Рея спросила:

- Сколько?

- Двадцать один из тридцати пяти.

Леон не отрывал глаз от экрана.

Свет.

Слово было настолько простым, что именно это раздражало.

Если бы система выдала редкий технический термин, имя, число, у него появилась бы конкретная точка поиска.

Но свет мог значить что угодно.

Сон.

Воспоминание.

Вспышку нейронной активности.

Общий символ.

Леон внезапно вспомнил, как в детстве на Марсе отключилось электричество.

Ему было лет семь.

Авария длилась всего несколько минут, но резервное освещение в жилом секторе почему-то включилось не сразу.

Он помнил темноту.

Потом холодную руку матери на своей руке.

И аварийную полосу света, загоревшуюся вдоль пола.

Тогда ему казалось, что свет сам по себе означает безопасность.

Наверное, для человека так было всегда.

От костра в пещере до аварийной полосы в марсианском коридоре.

- Общий стимул? - спросила Рея.

Леон вернулся к экрану.

- Возможно.

Он сказал это слишком быстро.

Рея услышала.

- Ты сам не веришь.

- Я хочу верить в объяснение, которое можно проверить.

- Это другое.

Да.

Другое.

Леон сохранил данные.

Потом сделал отдельную копию.

- Зачем?

- На всякий случай.

- У тебя никогда не было такой привычки.

- Теперь есть.

Сам он тоже не знал зачем.

Наверное, впервые за много лет ему не хотелось полностью доверять системе, в которой он работал.

Эта мысль ему не понравилась.

* * *

В двадцать три сорок семь нашли старый кластер.

Девять лет назад.

Восемь человек.

Среди слабых вариантов снова появился свет.

Потом еще один случай.

К двум ночи стало ясно: сегодняшний эпизод был просто самым сильным.

Рея сидела рядом.

- Знаешь, как это выглядит?

Леон уже понимал, что она скажет.

- Не надо.

- Как будто они начинают слышать друг друга.

- Пока нет никаких оснований.

- Я сказала как будто.

- Именно с этого обычно начинается плохая теория.

- А хорошая?

- С данных.

Он попытался улыбнуться.

Не получилось.

Рея заметила.

- Ты боишься?

Вопрос раздражил его.

В первую секунду Леон хотел ответить привычно.

Пошутить.

Перевести разговор.

Но усталость лишала его желания защищаться.

- Не знаю.

- Нормальный ответ.

- Нет. Нормальный человек обычно понимает, когда ему страшно.

- Ты думаешь, ты ненормальный?

Леон посмотрел на нее.

- Иногда я думаю, что слишком долго умею объяснять себе любое чувство работой.

Рея ничего не сказала.

И это было лучше любого утешения.

На панели появился новый сигнал.

Автоматический пакет от Ковчега.

Леон нахмурился.

Ответ на их запрос прийти еще не мог.

Пакет был отправлен раньше.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ОТЧЕТ

Ниже:

ЗАФИКСИРОВАН НЕСТАНДАРТНЫЙ НЕЙРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД

Леон почувствовал, как внутри все собирается.

Так бывало перед плохими медицинскими отчетами.

Еще до цифр.

Когда тело уже понимало, что сейчас увидит что-то неприятное.

Он открыл детали.

Количество участников: 38

Рея тихо произнесла:

- Черт.

Корабельный интеллект уже провел собственное сравнение.

СОВПАДАЮЩАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: 37 ИЗ 38

Леон открыл расшифровку.

СВЕТ

И в этот момент ему впервые по-настоящему стало страшно.

Не из-за слова.

Из-за тридцати семи людей.

У каждого было имя.

Он открыл список.

Анна Тарг.

Сорок шесть лет на момент старта.

Биолог.

Двое детей остались в Солнечной системе.

Микаэль Чжоу.

Инженер.

Двадцать девять.

Ни одного близкого родственника.

Хади Нур.

Врач.

Родилась на Луне.

Леон прокручивал имена и внезапно почувствовал почти физическое отвращение к собственному слову участники.

Это были люди.

Они приняли решение лечь в капсулы и отдать больше века своей жизни путешествию.

Большинство из них проснется в мире, где все знакомые давно умерли.

Они уже пожертвовали прошлым ради будущего.

Леон не хотел думать, что теперь с ними происходит что-то, чего никто не предусмотрел.

- Руководству нужно сказать сейчас, - сказала Рея.

- Да.

Она удивленно посмотрела на него.

Обычно он спорил дольше.

Леон уже собирался открыть служебный канал, когда одна точка на карте корабля мигнула.

Капсула 7-441.

- Что там?

Повторная нейронная активность.

Только один человек.

Леон открыл профиль.

Элиас Вернер. 34 года на момент старта. Инженер систем водооборота.

Фотография.

Обычное лицо.

Темные волосы.

Чуть кривоватая улыбка.

Леон задержался на снимке.

Человек выглядел так, будто его сфотографировали между двумя делами и он хотел поскорее уйти.

Почему-то именно это сделало происходящее реальнее.

- Он просыпается? - спросила Рея.

- Нет.

Параметры анабиоза оставались стабильными.

- Речь?

Леон запустил реконструкцию.

Сигнал был чище предыдущих.

Элиас как будто несколько раз повторял одну короткую последовательность.

Появились варианты.

Леон смотрел, как система пересчитывает вероятности.

Внутри возникло почти детское желание, чтобы ничего не получилось.

Пусть будет шум.

Ошибка.

Любая бессмыслица.

Появились два слова.

НЕ ТУДА

Леон почувствовал, как ладони стали влажными.

Рея прочитала через его плечо.

- Леон…

Он поднял руку.

Не сейчас.

Ему требовалось несколько секунд просто смотреть.

Через семь секунд активность исчезла.

Мозг Элиаса вернулся к прежнему режиму.

Метаболизм стабилен.

Капсула исправна.

Все идеально.

Только Леон уже не мог воспринимать эту идеальность как успокаивающую.

Он сделал копию записи.

На этот раз Рея не спросила зачем.

- Отправляй руководству, - сказал он.

- Уже.

Леон поднялся и отошел к стене.

Впервые за много часов ему захотелось оказаться дома.

Не на станции.

На Марсе.

В своей слишком тихой квартире.

Даже пустой.

Даже с закрытой секцией шкафа, которую он несколько месяцев не решался разобрать.

Ему хотелось обычных вещей.

Твердого пола.

Уличного воздуха.

Кая, который будет рассказывать какую-нибудь грубую ерунду.

Соседской собаки.

Чего-нибудь настолько земного, что слово свет снова станет просто словом.

Он подошел к обзорной панели лаборатории.

На ней можно было вывести внешнюю картинку.

Леон включил ее.

Перед ним появилась темнота.

Где-то там находилась Земля.

Ближе к станции Марс.

А далеко впереди Ковчег продолжал путь к другой звезде.

До Альфы Центавра оставалось около ста пятидесяти лет.

Леон подумал об Элиасе Вернере.

Человеке, который спал в капсуле и, возможно, только что пытался кого-то предупредить.

И впервые ему пришла мысль, от которой стало по-настоящему неуютно.

Что, если предупреждение предназначалось не тем, кто спал рядом с ним?

Что, если Элиас говорил тем, кто остался здесь?

Леон сразу отбросил мысль.

Слишком рано.

Слишком мало данных.

Но она уже появилась.

И исчезать не собиралась.

За его спиной Рея тихо разговаривала с руководством.

Леон смотрел в темноту.

Еще утром он был уверен, что через три недели вернется на Марс, разберется с квартирой, увидится с матерью, переждет очередной политический кризис и снова вернется к работе.

Обычная жизнь.

Не особенно счастливая.

Не особенно плохая.

Его собственная.

Теперь впервые возникло ощущение, что где-то за пределами этой понятной жизни существует что-то еще.

Что-то, чего он пока не видел.

Но что уже каким-то образом смотрело в ответ.

ГЛАВА 2. СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ДО РАССВЕТА

Через три часа после появления слов НЕ ТУДА Леон понял, что спать уже бессмысленно.

Он лежал в узкой каюте, смотрел в темный потолок и слышал, как где-то за стеной работает система вентиляции.

На станции существовала искусственная ночь.

Освещение приглушалось, служебные коридоры пустели, большая часть экранов переходила в минимальный режим, но сама Гелиос-7 не спала никогда.

Насосы гоняли воду.

Системы перерабатывали воздух.

Антенны продолжали принимать пакеты из разных частей Солнечной системы.

И где-то среди них через пространство летели сигналы от Ковчега.

Большинство этих сигналов было отправлено месяцы назад.

Иногда Леона раздражало, что язык по-прежнему плохо справлялся с подобными расстояниями.

Он говорил: сейчас на корабле.

Но никакого сейчас между ним и Ковчегом не существовало.

Все, что он видел, уже произошло.

Когда на его экране Элиас Вернер несколько часов назад повторял НЕ ТУДА, сам Элиас к этому моменту мог снова месяцами находиться в нормальном анабиозе.

Мог быть мертв.

Мог бодрствовать.

Мог пережить еще десять подобных эпизодов.

Леон узнает об этом только тогда, когда очередной пакет пересечет расстояние между кораблем и внутренней системой.

Межзвездное пространство превращало любое знание в археологию.

Ты наблюдал настоящее только в отношении самого себя.

Все остальное было прошлым.

Он перевернулся на бок.

Закрыл глаза.

Перед ним снова возникло лицо Элиаса.

Ничего особенного.

Обычный мужчина тридцати четырех лет на момент старта.

Темные волосы.

Неровная улыбка.

Леон успел прочитать его биографию, прежде чем Рея буквально выгнала его из лаборатории.

Элиас вырос в Венецианском секторе на Марсе.

Получил специальность инженера водооборота.

Несколько лет работал в Поясе.

Подал заявку на Ковчег с третьей попытки.

Не женат.

Детей нет.

Родители умерли еще до старта экспедиции.

Если бы все шло по плану, следующим настоящим утром Элиаса должно было стать утро возле другой звезды.

Леон открыл глаза.

До рассвета оставалось еще полтора часа.

Он сел.

На стене вспыхнул мягкий свет.

- Отмена ночного режима, - сказал Леон.

Система увеличила освещение.

Он посмотрел на себя в зеркало.

Тридцать восемь лет.

В двадцать пять ему казалось, что мужчина в тридцать восемь должен выглядеть значительно взрослее.

Наверное, так казалось всем.

Леон провел рукой по лицу.

Щетина.

Красные глаза.

Волосы торчат в разные стороны.

Великолепный представитель первого межзвездного поколения, подумал он.

Система спросила:

- Запустить восстановительный цикл сна?

- Нет.

- Рекомендуемая продолжительность отдыха после двадцати одного часа бодрствования составляет семь часов двадцать минут.

- Спасибо.

- Запрос подтверждения отмены?

- Подтверждаю.

- За последние девяносто суток вы превышали рекомендованную продолжительность бодрствования двадцать два раза.

Леон посмотрел на стену.

- Ты сейчас собираешься читать мне лекцию?

- Нет.

- Хорошо.

- Я могу вывести оценку влияния хронического дефицита сна на когнитивные функции.

- Не надо.

Пауза.

- Запрос принят.

Он усмехнулся.

Иногда автоматические системы двадцать четвертого века напоминали Леону очень вежливых родственников.

Формально они никогда не навязывались.

Но всегда умели сообщить, что ты живешь неправильно.

На стене мигнуло новое уведомление.

Приоритетное сообщение от Реи.

Леон открыл.

НЕ СПИШЬ?

Он ответил:

УЖЕ НЕТ.

Ответ пришел мгновенно.

ЛАБОРАТОРИЯ. У НАС ЕСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПАКЕТА.

Леон уже вставал.

* * *

Рея ждала его возле центральной панели.

На столе стояли два кофе.

- Настоящий? - спросил Леон.

- Сегодня не начинай.

Он взял контейнер.

- Что пришло?

- Ничего нового не пришло.

- Тогда зачем ты меня подняла?

- Ты и так не спал.

- Откуда ты знаешь?

- Ты в три сорок открыл медицинский профиль Элиаса.

Леон посмотрел на нее.

- Ты следишь за мной?

- Ты работал через общий контур.

- Значит, да.

- Леон, сейчас не об этом.

Она вывела на экран вчерашний автоматический медицинский пакет.

Тот самый.

Тридцать восемь участников.

Тридцать семь совпадений.

Свет.

Потом Элиас.

Не туда.

Рея пролистала ниже.

- Мы вчера не дошли до конца пакета.

- Почему?

- Потому что после события корабельная система инициировала протокол углубленной диагностики.

- И?

- Она разбудила Элиаса.

Леон мгновенно перестал чувствовать усталость.

- Полностью?

- Да.

- Когда?

- Через сорок две минуты после второго эпизода.

Он приблизился к панели.

- Почему автоматика решила будить человека из межзвездного анабиоза из-за двенадцати секунд нейронной активности?

- Не решила.

- Что?

- В протоколе есть правило. Если семантическая активность повторяется после аномального группового события и превышает определенный порог, один участник может быть выведен для диагностики.

- Кто это вписал?

- Кто-то очень осторожный сто лет назад.

Рея открыла служебную запись.

Протокол действительно существовал.

Леон знал его.

Просто никогда не видел применения.

Создатели Ковчега предусмотрели слишком много сценариев.

При длительном автономном полете это было необходимо. Земля не могла управлять кораблем в реальном времени. Значительная часть медицинских решений принадлежала бортовому интеллекту и дежурным специалистам, которых система периодически выводила из анабиоза.

- Кто проводил пробуждение? - спросил Леон.

- Дежурный врач и медицинский контур корабля.

- Есть запись?

Рея посмотрела на него.

- Поэтому ты здесь.

Она открыла видео.

Изображение появилось не сразу.

Несколько секунд камера перестраивалась на освещение медицинского отсека.

Леон увидел капсулу.

Крышка была открыта.

Элиас Вернер лежал внутри, накрытый серым термоматериалом.

Он выглядел намного хуже, чем на фотографии из профиля.

Кожа бледная.

Губы почти бесцветные.

Глаза закрыты.

Медицинские манипуляторы отсоединяли от тела тонкие трубки.

Рядом стояла женщина в легком корабельном комбинезоне.

Подпись:

ДР. ЛЕЙЛА ОКОРО. ДЕЖУРНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ОФИЦЕР.

Леон вспомнил имя.

Она входила в одну из пробуждаемых смен.

Каждые несколько лет часть экипажа ненадолго выводили из анабиоза для сложного технического обслуживания, проверки систем и психологической оценки корабельной среды.

- Дата? - спросил он.

Рея показала временную отметку.

Эпизод произошел почти пять месяцев назад по корабельному времени.

Леон сжал губы.

Вот оно.

Расстояние.

Пока они здесь пытались понять, что случилось, Ковчег уже давно жил дальше.

На записи Элиас закашлялся.

Лейла наклонилась.

- Элиас, вы меня слышите?

Мужчина медленно открыл глаза.

Потребовалось несколько секунд, чтобы сфокусировать взгляд.

- Да.

Голос оказался хриплым.

- Назовите свое имя.

- Элиас Вернер.

- Где вы находитесь?

Он посмотрел вокруг.

- Ковчег.

- Какой пункт назначения?

- Альфа Центавра.

- Год старта?

Элиас назвал дату.

Лейла продолжила стандартные вопросы.

Имя.

Возраст.

Место рождения.

Цель экспедиции.

Леон наблюдал внимательно.

Когнитивных нарушений не было.

После длительного анабиоза человек всегда выглядел слегка потерянным, но Элиас ориентировался быстро.

- Почему меня разбудили? - спросил он.

Лейла посмотрела куда-то за камеру.

Вероятно, на показатели.

- У вас зарегистрирована аномальная нейронная активность.

- Повреждение?

- Пока признаков нет.

Элиас закрыл глаза.

- Тогда дайте мне поспать.

Лейла улыбнулась.

- Именно этим вы занимались последние сорок три года.

Элиас снова открыл глаза.

Несколько секунд смотрел на нее.

- Сколько?

- С момента вашего предыдущего полного пробуждения.

Он медленно выдохнул.

Леон заметил, как изменилось его лицо.

Человеческий мозг плохо понимал десятилетия, которые исчезли между двумя ощущениями.

Элиас лег в капсулу.

Закрыл глаза.

Открыл.

Прошло сорок три года.

Для Вселенной это ничего не значило.

Для человека это была почти половина обычной жизни прошлых веков.

- Сколько осталось? - спросил он.

- Около ста пятидесяти лет.

Элиас кивнул.

- Значит, еще далеко.

- Да.

Он снова закрыл глаза.

Несколько секунд молчал.

Потом спросил:

- Я говорил?

Леон почувствовал, как Рея рядом перестала двигаться.

На записи Лейла тоже отреагировала.

- Что именно?

- Когда спал.

- Почему вы спрашиваете?

Элиас открыл глаза.

В них впервые появилось настоящее беспокойство.
- Потому что я помню.
Лейла села рядом.
- Что вы помните?
Он не ответил.
- Элиас?
- Сон.
- Расскажите.
- Не знаю.
Он попытался приподняться.
Медицинская система автоматически изменила положение капсулы.
Элиас потер лицо.
- Странная хрень.
Леон услышал, как Рея едва заметно выдохнула.
Живой человек.
Не медицинский показатель.
Не нейронная запись.
Просто мужчина, который очнулся спустя сорок три года и пытался подобрать слова.
- Что именно было странным? - спросила Лейла.
- Я шел.
- Где?
- Не знаю.
- Вы видели помещение?
Элиас долго думал.
- Коридор.
Леон почувствовал неприятное движение внутри живота.
Рея посмотрела на него.
Он поднял палец.
Слушай.
На записи Лейла продолжила:
- Как выглядел коридор?
- Серый.
- Металл?
- Нет.
Элиас нахмурился.
- Или да. Не знаю. Он не был сделан из чего-то.
- Что это значит?
- Я не знаю, что это значит.
Раздражение появилось мгновенно.
Леон понимал его.
Врач требовала точных слов для опыта, который сам Элиас не мог сформулировать.
- Там был свет, - сказал он.
Лейла посмотрела на медицинский экран.
- Где?
- Впереди.
- Яркий?
Элиас кивнул.
- Очень.
- Он мешал смотреть?

- Нет.
- Вы двигались к нему?
Элиас молчал.
- Элиас?
- Да.
Леон приблизился к панели.
Рея ничего не сказала.
- Почему? - спросила Лейла.
- Что почему?
- Почему вы шли к свету?
Элиас посмотрел на нее так, будто вопрос был странным.
- Потому что туда надо было идти.
- Кто вам это сказал?
Он нахмурился сильнее.
- Никто.
- Тогда откуда вы знали?
Молчание.
Потом:
- Просто знал.
Лейла сделала отметку.
- Вы испытывали страх?
Элиас неожиданно усмехнулся.
- Сначала нет.
- А потом?
Улыбка исчезла.
- Потом стены начали двигаться.
Леон почувствовал, как кожа на руках покрывается мурашками.
- Что вы имеете в виду? - спросила врач.
- Коридор.
- Он сужался?
- Нет.
- Расширялся?
- Нет.
Элиас раздраженно выдохнул.
- Стены двигались.
- В каком направлении?
- Вокруг.
Лейла замолчала.
Элиас поднял руки и сделал странное движение, как будто пытался показать вращение цилиндра.
- Вот так.
- Коридор вращался?
- Возможно.
- Вы тоже вращались?
- Нет.
- Было головокружение?
- Нет.
- Ощущение движения тела?
Элиас посмотрел прямо в камеру.

- У меня не было тела.
Леон перестал дышать.
Это длилось секунду.
Может, две.
Потом он понял, что действительно задержал дыхание, и медленно выдохнул.
На записи Лейла тоже не сразу продолжила.
- Что значит не было тела?
- То и значит.
- Вы видели свои руки?
- Нет.
- Ноги?
- Нет.
- Вы ощущали их?
Элиас покачал головой.
- Но я был там.
Он произнес это тихо.
Без мистического восторга.
Без попытки убедить.
Просто как факт, который пугал его самого.
- Что произошло дальше?
Элиас снова потер лицо.
- Свет стал ближе.
- Вы продолжали двигаться?
- Не знаю.
- Вы сказали, что шли.
- Я думал, что шел.
- А сейчас?
Он посмотрел на врача.
- Сейчас мне кажется, что меня тянуло.
В лаборатории Гелиоса стало очень тихо.
Леон понимал, что это всего лишь рассказ человека после сложного анабиоза.
Мозг мог создавать странные сны.
Гипнагогические состояния.
Ложную память.
Искажения ощущения тела.
Все это существовало.
Все это было изучено.
Но совпадение раздражало его слишком сильно.
Серый коридор.
Свет.
Движущиеся стены.
Нейронная синхронизация.
Не туда.
- Почему вы сказали не туда? - спросила Лейла.
Элиас резко посмотрел на нее.
- Я это сказал?
- Несколько раз.
Он долго молчал.
- Значит, помнил больше.

- Сейчас не помните?
- Нет.
Лейла изменила вопрос:
- Во сне вы хотели уйти от света?
- Не сначала.
- Когда изменилось ощущение?
Элиас закрыл глаза.
Леон видел, как под веками двигаются глаза.
Человек пытался вернуть сон.
- Когда понял про стены.
- Что именно?
- Они не просто вращались.
Он открыл глаза.
- Они двигались вместе со мной.
Лейла ждала.
- Как будто я стоял на месте, а коридор тащил меня вперед.
Леон почувствовал, как пальцы сами сжались вокруг края стола.
- К свету? - спросила врач.
- Да.
- И тогда стало страшно?
Элиас кивнул.
- Почему?
- Не знаю.
Потом добавил:
- Потому что до этого мне казалось, что я сам туда иду.
Леон посмотрел на Рею.
Она не отрывалась от экрана.
На записи Лейла задала еще несколько медицинских вопросов.
Элиас отвечал нормально.
Головной боли нет.
Память сохранена.
Ориентация полная.
Слуховых галлюцинаций после пробуждения нет.
Через пятнадцать минут интервью закончилось.
Последняя фраза Элиаса была почти случайной.
Лейла уже вставала, когда он спросил:
- Можно кое-что?
- Конечно.
- Не укладывайте меня обратно сегодня.
- Почему?
Он посмотрел на открытую капсулу.
- Я понимаю, что это звучит глупо.
- Все равно скажите.
Элиас долго молчал.
- Я не хочу снова туда.
Запись закончилась.
* * *
Рея первой отвела взгляд.
- Ну?

Леон не ответил.

Он перемотал на несколько минут назад.

- Что ты делаешь?

- Смотрю еще раз.

- Ты все слышал.

- Хочу увидеть реакцию.

Он остановил кадр на моменте, когда Лейла спрашивала про свет.

Элиас отвечал спокойно.

Потом момент со стенами.

Здесь его зрачки расширялись.

Пульс увеличился.

Кожа реагировала.

Не сильно.

Но достаточно.

- Страх настоящий, - сказал Леон.

- Или он верит в собственный сон.

- Я не сказал, что сон настоящий.

- Но думаешь об этом.

Леон посмотрел на нее.

- Я думаю, почему тридцать семь человек одновременно показывают один семантический паттерн, а один из них после пробуждения описывает серый вращающийся коридор со светом впереди.

- Может быть общий нейрофизиологический эффект анабиоза.

- Тогда он должен быть известен.

- Возможно, известен.

Леон повернулся.

- Что?

Рея указала на экран.

- Ты сам вчера нашел старые эпизоды. Может, кто-то изучал их раньше.

- Почему тогда они отмечены как ошибки синхронизации?

- Потому что инженеры любят объяснения, которые позволяют закрыть тикет.

- Очень смешно.

- Я серьезно.

Она подошла к рабочему месту.

- Давай искать не только по нейронному паттерну.

- А по чему?

- Коридор. Свет. Вращение. Потеря тела.

Леон покачал головой.

- В медицинских архивах никто не описывает сновидения такими ключами.

- Почему?

- Потому что это межзвездный анабиоз, а не архив психотерапии.

- Значит, ищем текстовые приложения.

Он уже набирал запрос.

Система ответила почти сразу.

Найдено слишком много совпадений.

Свет встречался десятки тысяч раз.

Коридор тоже.

Леон сузил условия.

Анабиоз.

Пробуждение.

Субъективные переживания.

Семантические аномалии.

Результатов стало меньше.

Семьсот восемьдесят четыре.

- Сколько? - спросила Рея.

- Слишком много.

- За весь проект?

- Не только Ковчег. Система подтянула все программы длительного анабиоза за сто двадцать лет.

- Хорошо.

- Ничего хорошего.

Он добавил условие.

СВЕТ + КОРИДОР

Тридцать девять.

Рея подошла ближе.

- Уже интереснее.

Леон добавил:

ПОТЕРЯ ТЕЛЕСНОЙ СХЕМЫ

Двенадцать.

Они переглянулись.

- Двенадцать, - сказала Рея.

- За сто двадцать лет.

- Это мало.

- Для редкого осложнения нормально.

- Открывай.

Первый случай.

Пациент после тяжелого хирургического анабиоза.

Сон о длинном тоннеле метро.

Никакой связи.

Второй.

Женщина видела белый коридор больницы.

Третий.

Человек вспоминал детский дом.

Пятый оказался интереснее.

Глубокий транспортный анабиоз, 2249 год.

Мужчина описывал ощущение движения сквозь серую трубу, но в отчете врач отметил выраженный кислородный дефицит во время пробуждения.

- Вот, - сказала Рея. - Гипоксия.

- Возможно.

Следующий случай.

Ничего.

Потом еще один.

Леон начал чувствовать раздражение.

Мозг хотел найти совпадение после рассказа Элиаса и теперь цеплялся за любое похожее слово.

Именно так рождаются плохие исследования.

Сначала появляется история.

Потом исследователь начинает искать подтверждения.

Он откинулся в кресле.

- Стоп.

- Что?

- Мы уже знаем, что хотим найти.

- И?

- Это проблема.

- Мы просто ищем похожие случаи.

- Нет. Мы ищем коридор и свет после того, как услышали про коридор и свет.

Рея сложила руки.

- Хорошо. Что предлагаешь?

- Слепую выборку.

- Сейчас?

- Да.

- Леон, у тебя глаза красные.

- Это не влияет на правильность метода.

- Иногда я тебя ненавижу.

- Иногда?

Она показала ему неприличный жест.

Через несколько минут они настроили автоматический анализ.

Система должна была сама выделить повторяющиеся элементы субъективных переживаний после глубокого анабиоза, не получая от них заранее выбранных ключей.

В выборку вошли тысячи медицинских отчетов.

Леон запретил системе использовать современные семантические модели, чтобы не тянуть классификацию к текущему случаю.

Пришлось использовать старый статистический анализ.

Медленнее.

Грубее.

Но чище.

Они ждали.

Рея наконец открыла еду.

- Будешь?

- Что это?

- Я не уверена.

- Тогда нет.

- Вчера ты ел почти то же самое.

- Поэтому и нет.

Она попробовала.

- Нормально.

- Очень убедительно.

Несколько минут они молчали.

На соседней панели шли сводки.

Марсианские протесты.

Забастовка на одном из добывающих комплексов Весты.

Спор Земного Союза и лунных автономий о налогах на орбитальный транзит.

Обычный человеческий день.

Леон поймал себя на том, что ему хочется оставить новости включенными.

Шум политики почему-то успокаивал.

Все знакомо.

Люди хотят денег.

Власти.

Независимости.

Безопасности.

Ничего нового за несколько тысяч лет.

По сравнению с этим серый вращающийся коридор казался личным оскорблением здравого смысла.

Система завершила анализ.

На экране появился список кластеров.

Первое место:

ФРАГМЕНТАЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ / БЫТОВЫЕ ОБРАЗЫ

Второе:

ОЩУЩЕНИЕ ПАДЕНИЯ

Третье:

ПРИСУТСТВИЕ НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Рея листала.

- Пока ничего.

- Дальше.

Пятый кластер:

ЯРКИЙ ИСТОЧНИК СВЕТА / НАПРАВЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Леон перестал жевать.

Он даже не заметил, что все-таки взял кусок еды.

- Сколько?

Рея открыла.

Шестьдесят четыре отчета.

- Это уже не двенадцать.

- Потому что система не требует слова коридор.

Они просмотрели распределение.

Большая часть случаев не имела ничего мистического.

Человеку снился поезд.

Транспортный туннель.

Полет к солнцу.

Медицинская лампа.

Но в нескольких отчетах присутствовали одинаковые детали.

Серое пространство.

Отсутствие тела.

Ощущение тяги.

Леон медленно пролистывал.

- Почему эти случаи никогда не объединили?

- Потому что они разбросаны по ста годам и разным медицинским системам.

- Но сейчас объединились.

- Потому что мы попросили.

Один отчет был закрыт.

На экране появился красный значок.

ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП

Леон нахмурился.

- Почему медицинский отчет столетней давности засекречен?

- Военный?

- Нет.

Он открыл метаданные.

ПРОГРАММА ГРАНИЦА
2281
НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГЛУБОКОГО АНАБИОЗА
Рея прочитала.
- Это предшественник Ковчега?
- Один из.
- У тебя есть доступ?
Леон проверил.
- Нет.
- У меня тоже.
- Странно.
- Может, юридический архив.
Он отправил запрос.
Система запросила основание.
Леон написал:
СОВПАДЕНИЕ С ТЕКУЩЕЙ АНОМАЛИЕЙ МЕЖЗВЕЗДНОЙ ПРОГРАММЫ.
- Ты понимаешь, что теперь руководство точно увидит, чем мы занимаемся?
- Оно и так увидит.
- Раньше можно было сделать вид, что мы просто работаем.
- Мы и работаем.
Рея рассмеялась.
- Именно поэтому с тобой тяжело спорить.
Ответ пришел через восемь минут.
ДОСТУП ВРЕМЕННО РАЗРЕШЕН.
Леон открыл файл.
Пациент номер G-17.
Мужчина.
Пятьдесят два года.
Испытание сверхглубокого анабиоза.
Продолжительность: девять месяцев.
На сто сорок третьи сутки произошел сбой кровообращения.
Сердечная деятельность остановилась.
Автоматическая система восстановила ритм через сорок девять секунд.
Леон перечитал.
- Вот почему файл закрыли.
- Смерть участника?
- Он не умер.
- Юридически?
- Сорок девять секунд без сердечной деятельности. Полное восстановление.
Рея открыла приложение.
- Интервью есть.
Они запустили текстовую расшифровку.
Пациент описывал:
Сначала ничего не было.
Потом:
Я понял, что куда-то двигаюсь.
Дальше:
Там было серое пространство.
Леон почувствовал холод.

Рея остановила прокрутку.
- Леон.
- Вижу.
Они продолжили.
Впереди был очень яркий свет.
Он казался приятным.
Я хотел туда.
Врач спрашивал, почему.
Пациент отвечал:
Потому что там все было хорошо.
Рея посмотрела на Леона.
- Элиас почти то же сказал.
- Почти.
Он заставил себя не делать вывод.
Текст продолжался.
Потом я понял, что пространство вокруг движется.
Сначала думал, что лечу.
Потом увидел, что двигается сам тоннель.
Леон замер.
В отчете впервые появилось слово.
Тоннель.
Пациент описывал вращение.
Не видел собственного тела.
Не чувствовал боли.
В какой-то момент испугался и попытался остановиться.
После этого очнулся.
Врач спросил, слышал ли он голоса.
Нет.
Видел ли родственников.
Нет.
Чувствовал ли присутствие кого-то еще.
Пациент ответил:
Возможно.
На этом интервью заканчивалось.
- Вот теперь мне не нравится, - сказала Рея.
Леон ничего не ответил.
Под расшифровкой находилось заключение комиссии.
Предполагаемая гипоксическая галлюцинация вследствие кратковременной остановки кровообращения.
Нормальный вывод.
Разумный.
Научно объяснимый.
Он мог бы принять его.
Если бы не Элиас.
- Элиас не умирал, - сказал Леон.
- Нет.
- Даже близко.
- Метаболизм подавлен.
- Но кровообращение стабильное.

- Да.
- Кислород нормальный.
- Да.
Леон посмотрел на старый отчет.
- Тогда почему одинаковая структура?
- Не одинаковая.
- Рея.
- Я специально.
Она посмотрела ему в глаза.
- Потому что если мы сейчас скажем одинаковая, мозг закончит работу за нас.
Леон кивнул.
- Хорошо.
- Похожая.
- Очень похожая.
- Да.
Он прокрутил файл ниже.
Там было еще одно приложение.
Закрытое.
ВНУТРЕННЯЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФЕНОМЕНА
Леон открыл.
Одна строка.
ПАТТЕРН NDE
Он нахмурился.
- Что за NDE?
Рея уже искала.
Ответ появился мгновенно.
ОКОЛОСМЕРТНЫЙ ОПЫТ (NDE)
Околосмертное переживание.
Леон медленно прочитал.
- Серьезно?
- Термин старый.
- Я знаю, что такое околосмертные переживания.
- Тогда зачем спрашивал?
- Потому что не ожидал увидеть их в техническом архиве анабиоза.
Он открыл связанные материалы.
Доступ снова оказался ограничен.
Но заголовки были видны.
ОПЫТ СВЕТА ПРИ КРИТИЧЕСКОМ СНИЖЕНИИ АКТИВНОСТИ МОЗГА
ТОННЕЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
СОХРАНЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА ПРИ КЛИНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СОВПАДЕНИЯ NDE
Леон откинулся в кресле.
- Это уже совсем другая область.
- Ты никогда не интересовался?
- Нет.
- Почему?
- Потому что я работаю с людьми, которых мы стараемся не доводить до смерти.
Рея улыбнулась.
- Логично.

Леон продолжал смотреть на список.

Он слышал об околосмертных переживаниях.

Все слышали.

Туннели.

Свет.

Выход из тела.

Родственники.

Эта тема пережила века.

Периодически ее объявляли доказательством посмертного существования.

Периодически объясняли нейрофизиологией.

Потом общественный интерес снова уходил.

Для Леона это всегда находилось где-то рядом с вопросами о призраках, мистических откровениях и странных свойствах сознания.

Интересно, но не его работа.

Теперь один человек на Ковчеге описал почти тот же феномен.

При этом не умирал.

Леон открыл медицинские показатели Элиаса.

Проверил еще раз.

Пульс в норме для режима анабиоза.

Перфузия стабильная.

Кислородный обмен без сбоев.

Никакого эпизода клинической смерти.

- Он жив, - сказал Леон.

- Очевидно.

- Я не об этом.

Он указал на NDE.

- Если это паттерн околосмертного переживания, почему он возникает у человека, который не находится около смерти?

Рея долго молчала.

- Может быть, дело не в смерти.

Леон посмотрел на нее.

- А в чем?

- В состоянии мозга.

- Это уже лучше.

- Глубокий анабиоз приближает активность к некоторым критическим режимам.

- Но тогда такие сны должны быть массовыми.

- Возможно, раньше они не достигали порога памяти.

- А теперь достигают?

Рея пожала плечами.

- Ты сам нашел зависимость от расстояния.

Леон снова открыл график.

Расстояние от Земли.

Рост частоты.

Он посмотрел на него дольше, чем хотел.

- Нет.

- Что?

- Мы не связываем это с расстоянием, пока не исключим время миссии.

- Мы уже частично исключили.

- Частично.

- Хорошо.

Рея вздохнула.

- Давай исключим полностью.

* * *

Следующие четыре часа они занимались статистикой.

Именно это Леону было нужно.

Не серые тоннели.

Не свет.

Не рассказы людей, которые умирали сто лет назад.

Числа.

Числа не требовали верить.

Можно было спорить о методе.

Менять выборку.

Удалять шум.

Искать ложную корреляцию.

Это возвращало чувство контроля.

Они построили модели старения капсул.

Сравнили поколения программного обеспечения.

Учли накопленную радиационную нагрузку.

Продолжительность конкретного анабиоза.

Возраст пассажиров.

Медицинские профили.

Этапы модернизации Ковчега.

Некоторые зависимости исчезли.

Другие оказались случайными.

Одна оставалась.

Чем дальше корабль находился от Земли, тем чаще возникали синхронные нейронные эпизоды.

Не идеально.

Не так, чтобы можно было завтра публиковать фундаментальный закон.

Но достаточно устойчиво, чтобы Леон не смог выбросить результат.

Он сидел перед графиком, когда Рея сказала:

- А если Земля здесь вообще ни при чем?

- Что имеешь в виду?

- Расстояние может быть прокси.

- Для чего?

- Не знаю. Солнечная гравитация. Магнитное поле. Плотность потока частиц. Что-нибудь, что меняется по траектории.

- Тогда корреляция с Солнцем была бы сильнее.

- Не обязательно.

- Мы можем проверить.

- И проверим.

Рея посмотрела на время.

- Но не сегодня.

- Сегодня.

- Леон.

- Что?

- У нас через полчаса заседание комиссии.

Он забыл.

- Черт.
- Именно.
* * *
Комиссия собралась в центральном конференц-секторе.
Часть людей присутствовала физически.
Часть выводилась голографическими окнами.
Некоторые подключались с Земли и Луны.
Марсианский представитель говорил с задержкой меньше секунды.
Руководитель программы Ковчег находился на Земле.
Доктор Самир Данн.
Леон видел его лично всего три раза.
Данну было около семидесяти, но выглядел он лет на пятьдесят.
Он принадлежал к поколению людей, которые еще помнили старт Ковчега.
Для Леона корабль был историческим фактом.
Для Данна воспоминанием.
Он сидел где-то в земной комнате с настоящими деревянными панелями на стенах.
Или очень хорошей имитацией.
- Еще раз, - сказал Данн. - Сколько участников?
- В последнем эпизоде тридцать восемь, - ответила Рея. - Выраженная семантическая корреляция у тридцати семи.
- Достоверность реконструкции?
Леон ответил:
- Для отдельного человека низкая. Для группового совпадения значительно выше.
- Насколько?
- Модель еще считается.
- То есть числа нет.
- Есть предварительное.
- Какое?
- Вероятность случайного группового совпадения такого уровня ниже одной десятитысячной.
В комнате стало тише.
Данн посмотрел на него.
- Ниже одной десятитысячной при текущей модели.
- Да.
- А если модель ошибается?
- Поэтому мы не делаем вывод о природе явления.
Леон заметил, как Рея едва заметно улыбнулась.
Именно это она повторяла ему несколько часов.
Данн открыл данные.
- Элиас Вернер.
- Да.
- Бортовой медицинский интеллект вывел его из анабиоза.
- Да.
- Состояние?
- Физически нормальное.
- Психологически?
Рея ответила:
- Повышенная тревожность. После пробуждения отказался возвращаться в капсулу в течение первых суток.

- Сейчас?

- На момент последнего доступного пакета согласился на повторный анабиоз после расширенного обследования.

Леон повернулся к ней.

- Ты это видела?

- Утром дочитала продолжение.

- Почему не сказала?

- Потому что ты ушел в статистику и перестал слышать людей.

Он хотел возразить.

Не стал.

Данн продолжил:

- Он сообщил кому-нибудь еще содержание сна?

- Только дежурному врачу.

- Сеть корабля?

- Интервью хранится в медицинском контуре.

- Остальные участники?

- Не пробуждались.

Один из членов комиссии, нейрофизиолог с Луны, поднял руку.

- Я предлагаю не использовать термин сон.

- Почему? - спросил Данн.

- Потому что мы не знаем, находился ли Вернер в фазе, которую можно классифицировать как сон.

- Хорошо. Субъективное переживание.

Леон слушал.

Несколько минут комиссия обсуждала возможные медицинские причины.

Глубокая нейронная супрессия.

Скрытые стимулы.

Общее поле вибраций корабля.

Неучтенные импульсы системы анабиоза.

Никто не произносил слова около смерти.

Леон сначала решил промолчать.

Потом понял, что не сможет.

- Мы нашли архивный случай.

Данн посмотрел на него.

- Какой?

- Программа Граница, 2281 год. Участник G-17.

На лице Данна что-то изменилось.

Совсем немного.

Но Леон заметил.

- Откуда у вас доступ к этому архиву?

- Запросили утром.

- Кто разрешил?

- Система.

- Я понял, что не сосед по станции.

Леон почувствовал раздражение.

- Тогда к чему вопрос?

Данн несколько секунд молчал.

- Продолжайте.

Леон вывел старый отчет.

- Участник пережил сорок девять секунд остановки сердечной деятельности во время сверхглубокого анабиоза. После восстановления описал серое пространство, яркий свет и ощущение движения внутри вращающегося тоннеля.

Несколько человек начали одновременно открывать документы.

- Сходство с отчетом Вернера значительное, - продолжил Леон. - Старый случай был классифицирован как гипоксическая галлюцинация.

- Разумно, - сказал лунный нейрофизиолог.

- Да. Проблема в том, что у Вернера гипоксии не было.

Данн смотрел на экран.

- И что вы предлагаете?

- Ничего пока.

- Тогда зачем это здесь?

- Потому что явление уже было известно.

- Одно похожее явление.

- В архиве есть связанные материалы.

Данн поднял взгляд.

- Какие материалы?

Леон вывел заголовок.

ПАТТЕРН NDE

Несколько человек в конференции замолчали.

Леон увидел это.

Именно замолчали.

Не удивились.

Не спросили, что означает термин.

Это было небольшое изменение, но слишком заметное.

Он медленно перевел взгляд на Данна.

- Вы знаете об этом.

Данн сложил руки.

- Конечно, знаю.

- Насколько давно?

- Околосмертные переживания изучают несколько столетий.

- Я спрашиваю про связь с анабиозом.

Пауза.

- Были отдельные исследования.

- Почему их нет в основном медицинском контуре Ковчега?

- Потому что они не показали достаточной воспроизводимости.

- Тогда почему архив закрыт?

- Потому что программа Граница была закрытым технологическим проектом.

- Сто пятьдесят лет назад.

- У секретности иногда длинная жизнь.

- Удобно.

Рея тихо сказала:

- Леон.

Он посмотрел на нее.

Она едва заметно покачала головой.

Не сейчас.

Леон откинулся назад.

Данн продолжил спокойнее:

- Я понимаю ваше раздражение. Но не превращайте отсутствие данных в заговор. Граница исследовала пределы глубины анабиоза. Несколько участников испытывали субъективные переживания, похожие на классические NDE. Это считалось побочным нейрофизиологическим эффектом.

- Сколько участников?

- Не помню.

- Приблизительно.

- Меньше двадцати.

- Из скольких?

- Не знаю.

Леон не поверил.

Данн заметил.

- Я действительно не знаю, Вельский. Проект закрыли задолго до моей работы с Ковчегом.

- Но вы знали про NDE.

- Да.

- И когда мы вчера сообщили о синхронном свете, никто не сказал проверить этот архив.

- Потому что двадцать человек в разных капсулах одновременно не являются классическим NDE.

В этом он был прав.

Леон замолчал.

Данн воспользовался паузой.

- Вот что мы делаем. Сырые данные последнего эпизода помещаются в карантинный архив. Никакой внешней публикации. Никаких выводов о расстоянии до Земли до независимой статистической проверки. Состояние Вернера наблюдаем. При следующем доступном цикле связи Ковчег получит запрос на расширенный анализ.

- Ответ придет через месяцы, - сказал Леон.

- Я в курсе расстояния до собственного корабля.

В голосе Данна впервые появилась усталость.

Леон неожиданно понял, что человек напротив прожил большую часть жизни с этим проектом.

Возможно, каждый раз, когда происходило что-то непредвиденное, Данн слышал не научную загадку.

Он слышал три тысячи спящих людей, которых уже нельзя вернуть домой.

- Мы не можем разбудить еще одного? - спросила Рея.

Данн покачал головой.

- Без прямых медицинских оснований нет.

- Но если повторится эпизод?

- Тогда решение примет бортовой контур.

- А если там уже повторилось? - спросил Леон.

Данн посмотрел на него.

Ответ был очевиден.

Они просто еще не знали.

- Поэтому, - сказал Данн, - не забывайте, с чем вы работаете. Это не лаборатория возле Земли. Любое наше решение туда приходит поздно.

Заседание продолжалось еще почти час.

В конце Данн сказал:

- И еще одно.

Леон поднял глаза.

- Исходные медицинские данные Вернера после переноса в карантин будут удалены из общего аналитического контура. Останется защищенная копия.

- Зачем?

- Чтобы необученные системы не начали использовать аномалию как новый диагностический эталон.

Объяснение было разумным.

Леон ненавидел его именно поэтому.

- Доступ у нас останется?

- Через запрос.

- То есть нет.

- Через запрос, Вельский.

- Я услышал.

Конференция закончилась.

Окна участников погасли.

Рея осталась сидеть.

- Не делай этого, - сказала она.

Леон повернулся.

- Чего?

- У тебя лицо человека, который собирается сделать что-то формально допустимое и очень раздражающее руководство.

- Я ничего не собираюсь.

- Ты даже врешь скучно.

Он встал.

- Мне нужен кофе.

- Леон.

Он остановился.

- Что?

- Данн не сказал ничего нелогичного.

- Я знаю.

- Тогда в чем проблема?

Леон посмотрел на погасший экран.

- В том, что он знал термин раньше, чем мы его произнесли.

- Он старше нас обоих и всю жизнь работает с анабиозом.

- И не считает нужным держать эти исследования в основном архиве.

- Потому что они не воспроизводились.

- Может быть.

Рея посмотрела на него.

- Ты опять хочешь найти проблему, которая сдастся, если достаточно долго смотреть.

Фраза попала точно.

Леон усмехнулся без радости.

- Возможно.

- Тогда хотя бы помни, что иногда проблема существует не потому, что ее кто-то спрятал.

- Я помню.

- Хорошо.

Она встала.

- Я спать.

- Правильное решение.

- Ты?

- Через час.

Рея посмотрела на него.
- Два.
- Хорошо.
- Это не переговоры.
- Тогда зачем предлагаешь цифру?
Она махнула рукой.
- Иди к черту.
- Спокойной ночи.
- Уже утро.
- Тем более.
Она вышла.
Леон подождал, пока дверь закроется.
Потом вернулся в лабораторию.
* * *
Перенос данных в карантин должен был начаться через двадцать минут.
Леон открыл административный интерфейс.
У него было право создавать рабочую резервную копию до завершения анализа.
Формально.
Именно это слово Рея использовала бы.
Он создал контейнер.
Сырые нейронные данные.
Медицинский отчет.
Запись пробуждения Элиаса.
Семантические реконструкции.
Старый файл G-17.
Список связанных архивных материалов.
Система спросила:
ОСНОВАНИЕ КОПИРОВАНИЯ
Леон написал:
ВНЕШНЯЯ ВЕРИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ
Это тоже было правдой.
Он подписал контейнер своим ключом.
Потом задумался.
Рабочая копия оставалась внутри инфраструктуры Гелиоса.
Данн мог закрыть доступ.
Леон открыл личный научный архив.
Система предупредила:
ПЕРЕНОС МЕДИЦИНСКИХ ДАННЫХ В ПЕРСОНАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ ЗАПРЕЩЕН
- Я знаю.
Он удалил персональные идентификаторы.
Элиас Вернер превратился в субъект 7441.
Остальные тоже потеряли имена.
Теперь это были обезличенные исследовательские данные.
Система проверила.
Разрешила экспорт.
Леон сохранил копию.
Только после этого почувствовал себя спокойнее.
Это его раздражало.

Он не любил собственную подозрительность.

Подозрительность была удобным наркотиком.

Однажды допустив, что кто-то скрывает информацию, можно объяснить любое отсутствие доказательств тем, что доказательства спрятали еще лучше.

Леон презирал такой способ мышления.

Поэтому заставил себя сформулировать вслух:

- У меня нет доказательств, что Данн что-либо скрывает.

Станция не ответила.

- Спасибо за поддержку.

- Вы обращались ко мне? - спросила система.

Леон рассмеялся.

- Нет.

- Продолжить пассивный режим?

- Да.

Он вернулся к архиву NDE.

Большинство материалов оставалось закрытым до отдельного разрешения.

Но индекс был доступен.

Леон начал читать названия.

Некоторые относились к двадцать первому веку.

Другие были еще старше.

Медицинские исследования.

Психология.

Нейрофизиология.

Исторические базы свидетельств людей после остановки сердца.

Термин оказался гораздо глубже встроен в научную историю, чем Леон представлял.

Проблема была в другом.

За столетия существовали тысячи исследований, но окончательного ответа так и не появилось.

Мозг умирает.

Мозг создает переживание.

Сознание сохраняется.

Гипоксия.

Нейромедиаторы.

Защитная реакция.

Культурная память.

Каждое поколение находило новое объяснение.

Потом появлялись случаи, которые плохо в него укладывались.

Так продолжалось сотни лет.

Леон закрыл базу.

Эта кроличья нора могла съесть месяцы.

Ему нужно было заниматься Ковчегом.

Он снова посмотрел на данные.

Расстояние.

Частота аномалий.

Свет.

И вдруг заметил то, что пропустил.

В старых кластерах частота росла не плавно.

Были ступени.

Несколько лет почти ничего.

Потом скачок.
Снова плато.
Следующий скачок.
Он открыл траекторию Ковчега.
Наложил расстояние.
Ступени совпадали с определенными участками полета.
Леон почувствовал, как возвращается знакомый азарт.
- Ну вот.
Он построил модель.
Проверил.
Потом еще раз.
Слишком рано.
Слишком мало точек.
Но картина была интересной.
Не просто чем дальше от Земли, тем больше.
Будто корабль проходил через какие-то границы.
Леон увеличил первую.
Она находилась далеко за орбитой Нептуна.
Вторая уже за гелиопаузой.
Третья не совпадала ни с одной известной физической границей.
Он нахмурился.
Может быть, ошибка.
Скорее всего.
Но теперь у него появился нормальный вопрос.
Не что за странные сны?
А:
что меняется вокруг корабля в этих точках?
Так было лучше.
Понятнее.
Он открыл карту внешней Солнечной системы.
Солнце.
Гелиопауза.
Межзвездная среда.
Магнитные поля.
Плотность плазмы.
Гравитационные влияния.
Десятки параметров.
Нужно было искать.
И в этот момент система уведомила:
КАРАНТИННЫЙ ПЕРЕНОС ЗАВЕРШЕН
Часть открытых данных исчезла из общего контура.
Леон проверил свою копию.
Она осталась.
Хорошо.
Он уже собирался закрыть рабочее место, когда заметил еще один файл.
Небольшой.
Текстовый.
Он появился среди материалов программы Граница, но раньше Леон его не видел.
Вероятно, система подтянула его вместе с разрешением на старый архив.

Название:

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРОТОКОЛУ G-17

Дата была позже основного исследования на два года.

Леон открыл.

Текста оказалось всего несколько абзацев.

Автор неизвестен.

Субъективный опыт G-17 первоначально классифицирован как гипоксическое NDE. Дальнейшее сопоставление выявило сходство с тремя случаями, в которых клиническая смерть не фиксировалась.

Леон застыл.

Прочитал еще раз.

КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ НЕ ФИКСИРОВАЛАСЬ

Он продолжил.

Все три события произошли в состоянии глубокой нейронной супрессии. Двое участников сообщали об ощущении направленного движения к источнику света. Один описывал эффект вращающегося пространства.

Леон почувствовал, как сердце начало биться быстрее.

Последняя строка:

Рекомендовано не классифицировать NDE исключительно как реакцию мозга на прекращение кровообращения до выяснения природы феномена.

Ниже стояла отметка.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКРЫТО

Причина:

НЕДОСТАТОЧНАЯ ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ

Леон смотрел на экран.

Три случая.

Без смерти.

Почти сто лет назад.

Теперь Ковчег.

Тридцать восемь человек.

Он быстро сохранил файл в свой обезличенный архив.

Потом выключил экран.

В лаборатории стало темнее.

За обзорной панелью висело бесконечное пространство.

Где-то там корабль продолжал двигаться к Альфе Центавра.

Еще сто пятьдесят лет.

Сто пятьдесят лет до первого человеческого утра возле другой звезды.

Когда-то эта цифра казалась Леону огромной.

Теперь она вдруг показалась короткой.

Если аномалии действительно усиливались с расстоянием, Ковчег только начинал входить туда, где человек еще никогда не бывал.

Леон подумал об Элиасе.

О сером коридоре.

О свете впереди.

О стенах, которые двигались вокруг него.

И о фразе, сказанной после пробуждения:

Мне казалось, что я сам туда иду.

Леон вышел из лаборатории.

В коридоре уже начался дневной цикл станции.

Люди шли на смену.

Кто-то смеялся возле лифта.

Двое техников спорили о ремонте внешнего сенсора.

Из столовой пахло свежей выпечкой, которая почти наверняка никогда не видела муки.

Обычное утро.

Леон остановился возле перехода между гравитационными кольцами.

Пол начинал менять направление.

Как всегда, он протянул руку и коснулся стены.

Только сегодня впервые подумал, почему делает это на самом деле.

Ему всегда нравилось чувствовать неподвижную поверхность в момент, когда все остальное меняет направление.

Точку, которой можно доверять.

Он усмехнулся.

Ритуал.

Рея была права.

Леон прошел переход и направился в жилой сектор.

Через несколько часов он действительно собирался поспать.

По крайней мере попытаться.

Но перед дверью каюты пришло еще одно сообщение.

Не от Реи.

От Кая.

ТЫ ТАМ ЖИВОЙ?

Леон ответил:

ПОКА ДА.

Кай:

ТОГДА ПЛОХИЕ НОВОСТИ. У НАС ТУТ ВЕСЕЛО.

К сообщению была прикреплена запись.

Леон открыл.

Марс.

Площадь возле климатического административного комплекса.

Тысячи людей.

Флаги автономистов.

Полицейские барьеры.

Кто-то бросает предмет в линию охраны.

Вспышка.

Толпа отступает.

Потом двигается вперед.

Леон выключил запись.

НАСКОЛЬКО ПЛОХО?

Кай ответил:

ПОКА ОБЫЧНАЯ ПОЛИТИКА. НО Я БЫ НЕ ТЯНУЛ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ.

Леон посмотрел на сообщение.

На Марсе люди спорили из-за воздуха, воды и права самим управлять планетой, на которой родились.

На Ковчеге тридцать восемь спящих людей одновременно видели свет.

Ему почему-то пришло в голову, что эти две вещи находятся чудовищно далеко друг от друга.

И все же обе были о направлении.

Куда идти.

Кто решает.
Что происходит, если тебя ведут туда, куда ты сам идти не собирался.
Леон сразу одернул себя.
Красивые аналогии.
Еще одна форма плохой теории.
Он выключил терминал.
Перед сном открыл личный архив в последний раз.
Файл был на месте.
G17_ПАТТЕРН_NDE
Под ним:
КОВЧЕГ_7441
Леон переименовал второй.
На несколько секунд задумался.
Потом написал:
КОВЧЕГ_СВЕТОВАЯ_АНОМАЛИЯ_01
Цифра 01 ему не понравилась.
Она предполагала продолжение.
Леон хотел убрать ее.
Но не убрал.
Погасил свет.
И впервые за много лет уснул почти сразу.
* * *
Ему приснился коридор.
Это было настолько ожидаемо, что даже во сне он понял причину.
Мозг перерабатывал услышанное.
Никакой тайны.
Коридор был серым.
Впереди горел свет.
Леон не чувствовал тела.
Он попытался остановиться.
Получилось.
И тогда впервые заметил странность.
Стены не вращались.
Они стояли неподвижно.
Двигался он сам.
Леон посмотрел назад.
Там была темнота.
Потом стены дрогнули.
Всего один раз.
Словно огромная конструкция вокруг него сделала медленный вдох.
Леон проснулся.
В каюте было темно.
Сердце билось слишком быстро.
Он несколько секунд смотрел в потолок.
Потом выругался.
- Прекрасно.
Система включилась:
- Вам требуется медицинская помощь?
- Нет.

- Частота сердечных сокращений повышена.
- Мне приснился сон.
- Желаете сохранить описание?
Леон хотел сказать нет.
Уже открыл рот.
Потом вспомнил Элиаса.
- Да.
На стене появился индикатор записи.
Леон сидел на кровати, чувствуя себя идиотом.
- Серый коридор. Свет впереди. Отсутствие ощущения тела.
Он остановился.
- Сначала стены были неподвижны. Потом… дрогнули.
Система записала.
- Еще что-нибудь?
Леон потер лицо.
- Нет.
- Сохранить в личный медицинский журнал?
Он задумался.
- Да.
- Сохранено.
Свет погас.
Леон снова лег.
Разумеется, сон ничего не доказывал.
Он весь день читал про серые коридоры.
Было бы удивительнее, если бы ему приснился пляж.
Он закрыл глаза.
Через несколько минут дыхание стало ровнее.
Почти уснув, Леон вдруг вспомнил одну деталь.
Во сне он знал, что впереди находится свет.
Хотя ни разу на него не посмотрел.
Леон открыл глаза.
- Черт.
На этот раз система благоразумно промолчала.

ГЛАВА 3. КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ

Марс встретил Леона пылью.

Не той мертвой, почти стерильной пылью, которая еще два столетия назад покрывала планету почти безраздельно.

Теперь пыль пахла железом, водой и жизнью.

Она оседала на листьях низких кустарников вдоль транспортных трасс, забивалась в стыки наружных платформ, окрашивала подошвы обуви и тонкой рыжей пленкой ложилась на стекла.

Леон заметил это еще в шлюзовом терминале.

Потом двери открылись.

И он впервые за несколько недель вдохнул марсианский воздух без фильтров станции.

Холодный.

Сухой.

С легким металлическим привкусом.

Свой.

Он остановился на несколько секунд у выхода.

Над посадочным комплексом раскинулось бледно-розовое небо.

Высоко висели тонкие облака.

На горизонте за городом тянулась темная полоса леса.

Настоящего леса.

Пусть его высадили люди.

Пусть климат поддерживали машины.

Пусть половина деревьев была генетически изменена так, чтобы выдерживать марсианские перепады давления и холод.

Но лес шумел на ветру.

И этого Леону хватало.

- Вельский!

Он повернулся.

Кай Реннер стоял метрах в двадцати, прислонившись к темно-серому транспортнику.

Высокий.

Широкоплечий.

С коротко остриженными волосами и выражением лица человека, который уже заранее недоволен окружающим миром.

На нем была обычная гражданская куртка, но Леон сразу заметил армейские ботинки.

- Ты обещал встретить, - сказал Леон.

- Я и встретил.

- Ты даже не подошел.

- Я экономлю движения.

Леон дошел до машины.

Кай посмотрел на него внимательнее.

- Ты похудел.

- Ты всегда это говоришь.

- Потому что ты всегда приезжаешь сюда после месяца жизни на кофе.

- Я ел.

- Кофе не считается едой.

- Иногда к нему дают батончик.

Кай забрал у него сумку и бросил в багажный отсек.

- Тогда все нормально.
Леон посмотрел на машину.
- Это твоя?
- Пока да.
- Что значит пока?
- Пока банк не заметил, что я перестал платить.
Леон усмехнулся.
- Очень смешно.
- Я не шутил.
Он сел внутрь.
Транспортник тронулся почти бесшумно.
Через несколько минут посадочный комплекс остался позади.
Город начинался с широких транспортных артерий и старых купольных районов.
Некоторые купола давно разобрали.
Другие оставили специально.
Первые поколения марсиан считали их историческими памятниками.
Под одним теперь находился университет.
Под другим рынок.
Третий превратили в музей первых поселений.
Леон всегда испытывал странное чувство, проезжая мимо.
Для его деда купол был единственной защитой между человеком и смертью.
Для Леона это уже была архитектура прошлого.
Как крепостная стена.
Как бомбоубежище.
Как старый корабль.
Кай бросил взгляд в его сторону.
- Долго будешь молчать?
- Я только приехал.
- Именно поэтому обычно люди говорят что-нибудь вроде рад тебя видеть.
- Рад тебя видеть.
- Очень убедительно.
- Я старался.
Кай свернул на верхний уровень трассы.
Внизу тянулись жилые кварталы.
Дальше виднелась вода.
Небольшое искусственное море, появившееся здесь всего семьдесят лет назад.
Солнце отражалось на поверхности слишком ярко.
Леон невольно задержал взгляд.
- Станция достала? - спросил Кай.
- Немного.
- Значит, сильно.
- А у тебя?
- Марс.
- Исчерпывающе.
Кай включил ручное управление.
Леон посмотрел на него.
- Ты серьезно?
- Что?
- Машина умеет ехать сама.

- Знаю.

- Тогда зачем?

- Мне нравится.

- Ты доверяешь себе больше, чем системе?

- Нет. Просто система никогда не матерится на других водителей.

- И это недостаток?

- Огромный.

Леон откинулся в кресле.

С Каем действительно было легче.

Они познакомились почти десять лет назад, когда Леон участвовал в программе нейрокогнитивной реабилитации для военных после длительных экспедиций.

Кай оказался одним из худших пациентов в группе.

Он игнорировал рекомендации.

Спорил с врачами.

Отказывался обсуждать часть травматического опыта.

Через месяц Леон написал в отчете, что дальнейшее участие Кая в программе не имеет смысла.

Кай прочитал заключение и сказал:

Наконец-то один человек здесь понял.

После этого почему-то стали друзьями.

- Насколько все плохо? - спросил Леон.

Кай перестал улыбаться.

- Смотря что считать плохим.

- Начни с простого.

- Северный климатический блок хочет перейти под прямой контроль автономий.

- Это я читал.

- Земной консорциум не согласен.

- Тоже читал.

- А вчера на третьем распределительном узле кто-то отключил контур на семь минут.

Леон повернулся.

- Полностью?

- Резерв включился.

- Кто?

- Пока никто не признался.

- Семь минут случайностью не бывают.

- Именно.

- Пострадавшие?

- Пятеро с переохлаждением в наружном секторе. Два тепличных комплекса ушли в аварийный режим.

- Это уже диверсия.

- Одни называют диверсией. Другие демонстрацией способности.

- Способности убить собственный город?

- Политика редко требует интеллекта.

Леон посмотрел в окно.

За жилыми кварталами начиналась зеленая полоса.

Низкие деревья.

Поля.

Каналы.

То, что еще сто лет назад казалось невозможным.

- И ты где во всем этом?

Кай пожал плечами.

- Пока нигде.

- Пока мне не нравится.

- Мне тоже.

- Тебя опять зовут?

- Иногда.

- Кто?

- Старые знакомые.

- Военные?

- Бывшие.

- Это еще хуже.

Кай на секунду повернул к нему голову.

- Не начинай.

- Я только спросил.

- Ты спрашиваешь тем голосом, которым обычно сообщаешь человеку, что он собирается сделать глупость.

- Может, потому что ты собираешься сделать глупость.

- Вот. Именно.

Леон хотел ответить, но передумал.

Кай заметил.

- Что?

- Ничего.

- Ты сегодня подозрительно сдержанный.

- Устал.

- Нет.

- Что нет?

- Когда ты устал, ты становишься язвительнее. Сейчас ты где-то еще.

Леон посмотрел вперед.

- Работа.

- Ковчег?

Он кивнул.

- Что случилось?

Леон помолчал.

Информация еще не была публичной.

Формально он не имел права рассказывать детали.

Кай это понял по лицу.

- Ладно.

- Я не могу.

- Я сказал ладно.

- Но что-то произошло.

- Я это уже понял.

- Странное.

- На корабле, летящем к другой звезде, слово странное звучит не очень успокаивающе.

Леон улыбнулся.

- Именно.

Кай не задавал больше вопросов.

И это было одной из причин, почему Леон ему доверял.

Он мог быть грубым.

Навязчивым.

Иногда невыносимым.

Но если человек говорил не могу, Кай редко пытался проломить стену.

Через двадцать минут они въехали в старый район Арсия.

Здесь Леон вырос.

Город изменился.

Но не настолько, чтобы он перестал узнавать улицы.

Старые герметичные переходы давно превратились в обычные пешеходные галереи.

Часть подземных уровней закрыли.

На месте школьного центра теперь стояла медицинская башня.

А маленькое кафе, куда они ходили после занятий, каким-то чудом сохранилось.

Леон увидел знакомую вывеску.

- Оно еще работает?

Кай посмотрел.

- Кто?

- Пятнадцатый меридиан.

- Конечно.

- Невозможно.

- Хозяин умер лет двадцать назад. Теперь сын.

- У него был сын?

- Леон, нормальные люди иногда размножаются.

- Я слышал.

- Теоретически?

- Примерно.

Кай усмехнулся.

- Развод тебя не сделал веселее.

Леон посмотрел на него.

- Спасибо за наблюдение.

- Всегда пожалуйста.

Они проехали еще несколько кварталов.

Потом Кай резко сбросил скорость.

Впереди была толпа.

Сотни людей занимали площадь перед административным зданием климатического сектора.

Флаги.

Плакаты.

Голографические лозунги.

Полиция стояла вдоль внешнего периметра.

- Вот об этом я говорил, - сказал Кай.

Леон прочитал ближайший лозунг.

НАШ ВОЗДУХ - НАШЕ РЕШЕНИЕ

Другой:

ЗЕМЛЯ НЕ ВЛАДЕЕТ МАРСОМ

Чуть дальше:

КЛИМАТИЧЕСКИЕ УЗЛЫ НАРОДУ

- Спокойно? - спросил Леон.

- Пока.

- Почему полиция в броне?

- Потому что вчера в них летели камни.

- Хороший способ снизить напряжение.
- Политики любят броню. Она создает ощущение контроля.
Кай свернул в боковой проезд.
Один из демонстрантов ударил ладонью по корпусу машины.
Кай остановился.
- Не надо, - сказал Леон.
- Я ничего.
- Я тебя знаю.
- Он ударил мою машину.
- Она принадлежит банку.
Кай посмотрел на него.
- Вот поэтому тебе трудно дружить с людьми.
Транспортник снова тронулся.
Леон обернулся.
Толпа осталась позади.
Но крики еще некоторое время были слышны через приоткрытую систему вентиляции.
Ему стало неприятно.
Не страшно.
Пока нет.
Просто слишком знакомо.
Марс всегда спорил с Землей.
Сначала о налогах.
Потом о миграционных квотах.
О праве создавать собственные вооруженные структуры.
О собственности на воду.
О дипломатическом представительстве.
Каждое новое поколение марсианцев рождалось чуть менее связанным с Землей.
Леон понимал эту логику.
Сам он был одним из них.
Но климатическая система была другой вещью.
Политический кризис можно пережить.
Неправильно закрытый атмосферный узел мог убить тысячи.
- Ты действительно думаешь, что кто-то полезет в климат? - спросил Леон.
Кай не ответил сразу.
- Уже полез.
- Я про серьезно.
- А семь минут это несерьезно?
- Ты понял.
- Думаю, пока никто не хочет убивать людей.
- Очень обнадеживающе.
- Но есть проблема.
- Какая?
- Люди редко начинают с желания кого-то убить.
Леон посмотрел на него.
Кай продолжал смотреть на дорогу.
- Они хотят напугать.
- Потом?
- Потом кто-то отвечает.
- И?

- Потом у каждого появляется причина считать себя жертвой.

Леон усмехнулся без радости.

- Ты начал говорить как психолог.

- Не оскорбляй.

Через несколько минут они подъехали к его дому.

Здание было старым по марсианским меркам.

Почти восемьдесят лет.

Невысокое.

С толстым основанием и характерными скругленными углами первых открытых районов.

Леон вышел.

Пыль тут же заскрипела под подошвами.

Кай достал сумку.

- Завтра свободен?

- У меня удаленная комиссия утром.

- После.

- Зачем?

- Поедем в старый сектор.

- Зачем?

- Потому что ты три недели сидел в банке с воздухом и выглядишь как человек, которому нужно увидеть нормальное небо.

Леон поднял глаза.

Розовое.

Тонкое.

Солнечный диск маленький.

- Это ты называешь нормальным?

- Для меня да.

- Хорошо.

Кай передал сумку.

- И еще.

- Что?

- Если услышишь ночью сирену, не выходи смотреть.

- Почему?

- Потому что это не Земля.

- Очень содержательно.

- Я серьезно.

- Что за сирена?

- Красная тревога климатического сектора.

- Я знаю, что такое красная тревога.

- Тогда зачем спрашиваешь?

- Почему она может прозвучать?

Кай посмотрел куда-то в сторону центра.

- Потому что сегодня ночью объявили технические работы на двух узлах.

- И?

- Никто не знает, кто именно их будет проводить.

- Прекрасно.

- Добро пожаловать домой.

Кай сел в машину.

Леон постучал пальцами по крыше.

- Спасибо, что встретил.

Кай прищурился.
- Ого.
- Что?
- Ничего. Просто запомню этот день.
- Езжай уже.
- Завтра в двенадцать.
- Возможно.
- Это означает да.
- Это означает возможно.
- У тебя всегда означает да.
Кай уехал.
Леон остался стоять возле дома.
Ветер прошел по улице и принес запах пыли, растений и далекой воды.
Он дома.
Леон смотрел на вход несколько секунд.
Потом вошел.
* * *
Квартира включилась еще до того, как Леон открыл дверь.
Мягкий свет.
Температура двадцать один.
Вентиляция перешла из экономичного режима.
На стене появилось приветствие.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЛЕОН
Он снял куртку.
Положил сумку.
Постоял.
Тишина.
Та самая.
На станции она казалась спокойной.
Здесь была другой.
Леон прошел в кухню.
На столе стояла кружка.
Синяя.
Не его.
Он остановился.
Несколько месяцев назад она оставила ее здесь.
Глупость.
Обычная кружка.
Можно выбросить.
Отправить.
Убрать в шкаф.
Леон взял ее.
Повернул в руках.
На боку была маленькая трещина.
Он помнил, когда она появилась.
Они спорили.
Не о чем-то важном.
Кажется, о поездке на Землю.
Она поставила кружку слишком резко.

Потом они оба замолчали, потому что увидели трещину.
Через несколько минут уже смеялись.
Леон поставил кружку обратно.
Сам не понял зачем.
- Ты идиот, - сказал он.
Домовая система ответила:
- Уточните запрос.
- Не тебе.
- Поняла.
- Нет, не поняла.
- Вероятно.
Он рассмеялся.
Потом замер.
Смешно.
Но после станции собственный смех в квартире прозвучал слишком громко.
Леон открыл холодильник.
Почти пусто.
Система напомнила:
СРОК ГОДНОСТИ ТРЕХ ПРОДУКТОВ ИСТЕК
- Выбросить.
- Подтвердите утилизацию.
- Подтверждаю.
Он нашел что-то похожее на суп.
Разогрел.
Сел у окна.
Отсюда было видно несколько кварталов и часть лесного пояса.
Вдалеке двигались огни транспортов.
На стене мигнуло сообщение.
Мать.
Леон открыл.
Ты уже на Марсе?
Он ответил:
Да. Прилетел сегодня.
Через несколько секунд:
Значит, до Земли снова не добрался.
Он смотрел на фразу.
Начал писать ответ.
Стер.
Написал другой.
Работа задержала.
Ответ пришел быстро.
Работа всегда задерживает.
Леон закрыл окно.
Потом снова открыл.
Приеду.
Мать:
Когда?
Он хотел написать скоро.
Не написал.

Не знаю. Но приеду.

На этот раз ответа долго не было.

Потом:

Хорошо.

Одно слово.

Леон положил терминал на стол.

Суп остыл.

Он съел несколько ложек.

Не чувствовал вкуса.

Перед глазами почему-то снова появился Элиас Вернер.

Серый коридор.

Свет.

Леон отодвинул тарелку.

Открыл личный архив.

Файлы были на месте.

Он выбрал запись собственного сна.

Прослушал.

Собственный голос звучал сонно и раздраженно.

Серый коридор. Свет впереди. Отсутствие ощущения тела.

Он выключил.

Слишком очевидно.

После целого дня чтения про тоннели неудивительно увидеть тоннель во сне.

Леон удалил запись из быстрого доступа.

Сам файл оставил.

Потом открыл данные Ковчега.

График расстояния.

Ступени.

Он увеличил третью границу.

Ту, которая не совпадала ни с гелиопаузой, ни с известными изменениями межзвездной среды.

Координаты.

Направление.

Скорость корабля.

Что там могло быть?

Он запустил автоматический поиск.

Гравитационные возмущения.

Нет.

Плазменные потоки.

Нет выраженного совпадения.

Магнитные структуры.

Недостаточно данных.

Темная материя.

Слишком общий параметр.

Фоновое излучение.

Без особенностей.

Леон нахмурился.

Можно было искать всю ночь.

Он закрыл экран.

Хватит.

Рея была права.
Иногда проблема не становилась понятнее только потому, что ты смотрел на нее дольше.
Он пошел в спальню.
Остановился у шкафа.
Та самая секция.
Закрытая.
Леон стоял перед ней несколько секунд.
Потом открыл.
Одежда.
Пара книг.
Коробка с личными вещами.
Старая фотография.
Он взял ее.
На снимке была Земля.
Побережье.
Он и Лея.
Леон давно старался не произносить ее имя даже мысленно.
Глупый прием.
Будто имя было дверью.
Они стояли возле Атлантики.
Тогда он впервые увидел океан.
Лея смеялась.
Леон на фотографии выглядел напряженным.
Он вспомнил, почему.
Волны подходили слишком близко.
Ему казалось, что море обязательно однажды зайдет дальше, чем должно.
Лея тогда сказала:
Ты всю жизнь живешь на планете, где воздух держат машины, и боишься воды.
Он ответил:
Машина хотя бы выполняет протокол.
Она долго смеялась.
Леон поставил фотографию обратно.
Закрыл секцию.
Но на этот раз не заблокировал.
Маленькая победа.
Или просто усталость.
Он лег.
Система приглушила свет.
- Будильник на восемь.
- Установлено.
- И если я не встану…
Он задумался.
- Разбуди еще раз.
- Через какой интервал?
- Десять минут.
- Установлено.
Тишина.
Леон закрыл глаза.
Несколько секунд ждал.

Коридора не было.
Хорошо.
Он почти уснул, когда домовая система сказала:
- Входящий вызов. Кай Реннер.
Леон открыл глаза.
- Что случилось?
Связь включилась.
Кай выглядел иначе.
Без улыбки.
За его спиной двигались люди.
- Ты дома?
- Да.
- Останься там.
Леон сел.
- Что произошло?
- Еще один узел ушел в аварийный режим.
- Где?
- Южнее нас.
- Диверсия?
- Пока неизвестно.
- Пострадавшие?
Кай посмотрел в сторону.
- Есть.
- Сколько?
- Не знаю.
В этот момент за окном завыла сирена.
Низкий протяжный звук.
Красная тревога.
Леон встал и подошел к окну.
На горизонте вспыхнули красные огни аварийных башен.
- Вот и сирена, - сказал он.
- Я же говорил не выходить.
- Кай, я не ребенок.
- Сегодня побудь.
Связь оборвалась.
Леон остался у окна.
Красные огни мигали над городом.
Вдалеке уже двигались аварийные транспорты.
Система дома автоматически проверила герметизацию окон.
На стене появилось сообщение:
ВНЕШНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАБИЛЬНЫ
Пока.
Леон подумал это и сразу разозлился на себя.
Он снова открыл связь.
Кай не ответил.
Еще раз.
Нет.
Леон оделся.
Взял куртку.

Подошел к двери.
Вспомнил:
Не выходи смотреть.
Постоял.
Потом все-таки открыл.
* * *
На улице людей почти не было.
Красная тревога заставляла большинство оставаться в помещениях.
Ветер усилился.
Температура заметно упала.
Леон прошел к краю квартала.
Отсюда открывался вид на южную часть города.
Там было слишком много света.
Аварийного.
Синие и красные сигналы двигались по трассам.
В небе прошли два тяжелых климатических аппарата.
Леон услышал шаги.
Соседка из квартиры напротив вышла с собакой.
Той самой, которая всегда радовалась ему.
Животное увидело Леона и сразу потянулось к нему.
- Вы серьезно? - спросил он.
Женщина пожала плечами.
- Ему все равно, что красная тревога.
Собака ткнулась носом в его руку.
Леон погладил ее.
- Разумный.
- Что случилось?
- Узел.
- Опять?
Он кивнул.
Женщина посмотрела на горизонт.
- Мой сын сегодня там работает.
Леон перестал гладить собаку.
- На климатическом?
- Да.
- Связь есть?
- Нет.
Она попыталась улыбнуться.
- Наверное, сеть перегружена.
- Наверное.
Леон почувствовал неприятную беспомощность.
Он мог анализировать мозг человека за триллионы километров.
Мог строить модели межзвездной нейрофизиологии.
Но сейчас рядом стояла женщина, сын которой находился в нескольких десятках километров, и Леон не мог сказать ей ничего полезного.
- Если хочешь, я попробую через служебный канал, - сказал он.
- У тебя есть?
- Некоторые доступы.
- Не надо. Если все начнут дергать служебные каналы, будет хуже.

Она сказала это спокойно.
Леон посмотрел на нее.
- Как его зовут?
- Дамир.
- Я запомню.
- Зачем?
Он не нашел ответа.
Женщина улыбнулась.
- Ты только прилетел?
- Сегодня.
- Отличный момент.
- Да.
Собака снова потянула ее в сторону.
- Не стой долго на улице.
- Вы тоже.
- Скажи это ему.
Она указала на пса.
Они ушли.
Леон остался один.
Красная тревога продолжала выть.
И вдруг замолчала.
Сразу.
Город словно потерял голос.
Через несколько секунд пришло автоматическое сообщение:
АВАРИЙНЫЙ РЕЖИМ ЧАСТИЧНО СНЯТ
КЛИМАТИЧЕСКИЙ КОНТУР СТАБИЛИЗИРОВАН
Леон выдохнул.
Только теперь понял, что все это время держал плечи напряженными.
Связь ожила.
Кай.
- Ты вышел.
- Немного.
- Я тебя убью.
- Сначала расскажи, что произошло.
Кай был в машине.
По лицу текла кровь.
Леон сразу заметил.
- Что у тебя с лицом?
- Ерунда.
- Это кровь.
- Спасибо, доктор.
- Что случилось?
Кай вытер щеку.
- Кто-то перекрыл доступ к резервной линии.
- Кто?
- Вот это сейчас и выясняют.
- Погибшие?
Кай помолчал.
- Трое подтверждены.

Леон замер.
- Из-за отключения?
- Один техник. Двое охраны.
- Стрельба?
- Похоже.
Вот оно.
Слово, которого они все избегали.
Леон посмотрел на красные огни.
- Это уже не демонстрация.
- Нет.
- Где ты?
- Еду к тебе.
- Зачем?
- Потому что я знаю тебя.
- И?
- Ты сейчас начнешь думать.
- Ужасная привычка.
- Вот именно.
Связь оборвалась.
Леон вернулся в дом.
* * *
Кай приехал через двадцать минут.
Вошел без приглашения.
Леон сразу потащил его к свету.
- Сядь.
- Я нормально.
- Сядь.
Кай сел.
Рассечение возле брови оказалось небольшим.
Леон достал медицинский комплект.
- Кто тебя ударил?
- Дверь.
- Дверь обычно не двигается сама.
- Эта двигалась.
- Кай.
- В толпе началась драка. Я получил локтем.
- Уже лучше.
- Чем дверь?
- Правдоподобнее.
Леон обработал рану.
- Ты был там до отключения?
- Да.
- Почему?
- Меня попросили помочь с охраной переговоров.
Леон замер.
- Ты сказал, что нигде не участвуешь.
- Я сказал пока.
- Это было утром.
- День оказался насыщенный.

- Кто попросил?

Кай посмотрел на него.

- Неважно.

- Тогда зачем приехал?

- Проверить тебя.

- У тебя лицо разбито, трое погибших, и ты приехал проверять меня?

- Да.

- Это очень по-твоему.

Кай взял из холодильника воду.

- Есть что-нибудь съедобное?

- Нет.

- Ты живешь как преступник.

- Закажи.

Кай открыл терминал.

Несколько минут они молчали.

Потом Леон спросил:

- Что произошло на самом деле?

Кай положил терминал.

- Узел должен был перейти в сервисный режим на сорок минут. Техники пришли. Там уже была группа автономистов.

- Они захватили объект?

- Они утверждают, что получили доступ от местной администрации.

- А местная администрация?

- Говорит, что ничего не давала.

- Земной консорциум?

- Заявляет о диверсии.

- Кто стрелял?

- Пока никто не знает.

- Кто погиб?

- Один техник консорциума. Два человека из местной охраны.

- То есть обе стороны.

- Да.

Леон сел напротив.

- Удобно.

Кай поднял глаза.

- В каком смысле?

- Для эскалации.

- Именно.

- Все теперь могут считать себя жертвой.

- Я утром почти это тебе и сказал.

Леон провел ладонью по лицу.

- И что дальше?

- Завтра Совет Марса соберется экстренно.

- Земля?

- Уже требует вернуть объекты под федеральную охрану.

- Автономисты?

- Требуют вывести земные силы.

- Прекрасно.

Кай открыл воду.

- Я тебе другое скажу.
- Что?
- Там было странно.
Леон посмотрел на него.
После последних двух суток слово странно ему не нравилось.
- Что именно?
- Люди.
- Очень конкретно.
- Толпа была злая. Такое бывает. Но сегодня…
Кай замолчал.
- Что?
- Как будто всем одновременно стало мало просто кричать.
- Эффект толпы.
- Я был в толпах.
- И?
- Это было быстрее.
- Что быстрее?
Кай пытался подобрать слова.
- Переключение.
- С мирного протеста на драку?
- Да.
- Кто-то спровоцировал.
- Возможно.
- Ты видел?
- Нет.
- Тогда это обычная массовая динамика.
Кай посмотрел на него.
- Ты уже решил.
- Что?
- Что это обычная массовая динамика.
- У меня нет другой модели.
- Вот именно.
Леон нахмурился.
- Что ты хочешь сказать?
- Ничего. Просто иногда ты очень быстро называешь вещь известным словом и перестаешь на нее смотреть.
Фраза задела.
Потому что была слишком близка к тому, чем Леон занимался последние двое суток.
NDE.
Гипоксия.
Анабиоз.
Сон.
Этикетка успокаивала.
Даже если ничего не объясняла.
- Может быть, - сказал он.
Кай удивился.
- Что?
- Может быть, ты прав.
- Ты заболел?

- Очень смешно.
- Нет, я серьезно. Ты редко соглашаешься сразу.
Леон встал.
- Хочешь кофе?
- Ночью?
- Ты военный.
- Бывший.
- Тогда две чашки.
Пока машина готовила кофе, Кай оглядел квартиру.
- Ты так и не убрал ее вещи.
Леон замер.
- Не начинай.
- Я ничего.
- Это твое любимое начало.
Кай кивнул на закрытый шкаф.
- Она заберет?
- Наверное.
- Когда?
- Не знаю.
- Ты ей писал?
- Нет.
- Она тебе?
- Нет.
- Значит, вы отлично справляетесь.
Леон поставил чашку перед ним.
- Пей.
Кай сделал глоток.
- Дерьмо.
- Ты сам попросил кофе.
- Я попросил нормальный.
- Это Марс. Нормальный кофе здесь стоит как транспорт до Луны.
- Значит, надо было остаться военным.
- Там хороший кофе?
- Нет. Но бесплатный.
Они сидели до глубокой ночи.
Говорили о Марсе.
О погибших.
О том, кто может получить выгоду от кризиса.
Кай ругался.
Леон спорил.
Потом разговор ушел в пустяки.
Старые знакомые.
Деньги.
Собака соседки.
Кто-то из их общего круга женился в четвертый раз.
Леон впервые за последние дни почувствовал, что мозг перестал постоянно возвращаться к серому коридору.
Это было хорошо.
Потом Кай уснул прямо на диване.

Леон накрыл его пледом.
Сам пошел в спальню.
Перед сном проверил терминал.
Новых сообщений от Гелиоса не было.
Он уже собирался выключить экран, когда увидел системное уведомление.
Не от Реи.
Не от станции.
Автоматическая синхронизация личного исследовательского архива.
Файл:
КОВЧЕГ_СВЕТОВАЯ_АНОМАЛИЯ_01
Размер изменился.
Леон нахмурился.
Он точно ничего туда не добавлял.
Открыл историю.
Новая запись.
Источником значился его собственный медицинский журнал.
Сегодняшний сон.
Серый коридор.
Свет.
Отсутствие тела.
Система автоматически сопоставила его с исследовательским паттерном.
Вероятность соответствия:
83,4%
Леон смотрел на число.
Потом рассмеялся.
Тихо.
Почти зло.
- Конечно.
Алгоритм просто сделал то, для чего был создан.
Нашел совпадение.
Он весь день думал об этом феномене.
Увидел его во сне.
Система сравнила описание.
Никакой загадки.
Леон закрыл окно.
Но перед этим заметил еще одну строку.
КЛЮЧЕВОЕ ОТЛИЧИЕ: СУБЪЕКТ СООБЩАЕТ О ВОЗМОЖНОСТИ ОСТАНОВИТЬ ДВИЖЕНИЕ.
Он снова открыл запись.
Элиас говорил, что его тянуло.
G-17 говорил, что двигался к свету.
Леон во сне остановился.
Почему?
Он сидел на краю кровати и смотрел в темный экран.
Ответ мог быть простым.
Потому что он уже знал чужие истории.
Его мозг переписал сюжет.
Никакой мистики.
Леон положил терминал.

Лег.
Закрыл глаза.
В соседней комнате Кай громко перевернулся на диване и что-то пробормотал.
Дом был живым.
Это неожиданно успокоило.
Леон почти уснул.
А потом завыла сирена.
Не городская.
Домовая.
Резкая.
Короткая.
Система мгновенно включила аварийный свет.
Из соседней комнаты донесся голос Кая:
- Какого черта?
Леон вскочил.
- Статус!
Домовая система ответила:
- Зафиксирована ударная волна.
Кай уже был в дверях.
- Где?
Леон открыл внешний монитор.
Вдали над южной частью города поднималось пламя.
Черное облако росло над горизонтом.
Через несколько секунд пришел звук.
Глухой.
Тяжелый.
Стекла дрогнули.
Кай выругался.
Леон смотрел на огонь.
- Это климатический узел?
Кай не ответил.
На карте появился красный сектор.
Потом название.
АРСИЙ-ЮГ / КОМПЛЕКС КЛИМАТИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ 4
Кай уже натягивал куртку.
- Оставайся.
- Даже не начинай.
- Леон.
- Там люди.
- Там сейчас будет черт знает что.
- Ты сам едешь.
- Я умею.
- Очень убедительно.
Кай посмотрел ему в глаза.
На этот раз не спорил.
- Тогда рядом со мной.
Они выбежали из квартиры.
* * *
На улицах уже включился аварийный режим.

Транспортные линии перекрывались автоматически.
Над городом прошли спасательные аппараты.
С юга тянулся дым.
Кай вел машину вручную.
Слишком быстро.
- Медленнее.
- Нет.
- Мы никому не поможем, если разобьемся.
Кай сбросил немного.
- Доволен?
- Нет.
- Хорошо.
Они миновали первый полицейский барьер.
Кай показал старый служебный допуск.
Система пропустила.
На втором их остановили.
Офицер узнал Кая.
- Реннер? Какого хрена ты здесь?
- Куда ударило?
- Четвертый комплекс.
- Что взорвалось?
- Пока не знаем.
- Контур?
- Частично работает.
- Пожар?
- Внутри.
Офицер заметил Леона.
- А это кто?
- Медицинский специалист.
Леон посмотрел на Кая.
Тот даже не моргнул.
- Я не врач.
- Сейчас поздно объяснять.
Офицер открыл проход.
- Южный подъезд закрыт. Идите через западный.
Они проехали.
Чем ближе к комплексу, тем больше было повреждений.
Окна выбиты.
На дороге лежали обломки.
В воздухе пахло горелым пластиком и марсианской пылью.
Сирены.
Крики.
Свет.
Леон увидел пострадавших возле транспортной платформы.
- Останови.
- Леон.
- Останови!
Кай ударил по тормозам.
Они вышли.

Женщина лежала на земле.
Рядом мужчина пытался остановить кровь на ее ноге.
Леон подбежал.
- Медицинская помощь идет?
- Не знаю!
Леон опустился рядом.
Он не был врачом, но базовую подготовку имел.
Все специалисты дальних программ проходили расширенный медицинский курс.
- Жгут есть?
Мужчина показал.
- Выше.
Леон перехватил.
Женщина была в сознании.
- Как зовут?
- Сана.
- Сана, смотри на меня.
Она смотрела.
- Больно.
- Знаю.
- Ты врач?
Леон почти улыбнулся.
- Сегодня все так думают.
Кай уже помогал другому пострадавшему.
Через минуту прибыл медицинский дрон.
Потом спасатели.
Леон передал женщину.
Встал.
Руки дрожали.
Он посмотрел на ладони.
Кровь.
Настоящая.
Не график.
Не модель.
Не отчет пятимесячной давности.
Кровь была теплая.
- Леон!
Кай махнул ему.
Они двинулись к комплексу.
Впереди горело здание.
Часть внешней стены обрушилась.
Спасатели вытаскивали людей.
Кто-то кричал, что внутри остались техники.
Кай схватил одного из офицеров.
- Что случилось?
- Взрыв в техническом секторе.
- Газ?
- Не похоже.
- Внешний заряд?
- Не знаем.

- Доступ кто контролировал?
- Система была закрыта после вечернего инцидента.
- Значит, кто-то вошел изнутри?
Офицер посмотрел на него.
- Реннер, отойди.
- Я спросил.
- А я сказал отойди.
Кай сжал челюсть.
Леон положил руку ему на плечо.
- Пойдем.
Кай резко обернулся.
- Что?
- Сейчас ты ничего не узнаешь.
- Зато они знают.
- Может быть.
- Ты опять…
- Кай.
Он замолчал.
В этот момент из разрушенного входа вынесли человека.
Мужчина.
Без сознания.
Лицо покрыто пылью.
Леон увидел форму.
Техник климатического сектора.
На груди имя.
ДАМИР АЛЬ-ХАДДАД
Леон замер.
Соседка.
Собака.
Мой сын сегодня там работает.
- Черт.
Он бросился к медикам.
- Его мать живет в шестом квартале Арсия.
Спасатель посмотрел на него.
- Вы родственник?
- Нет.
- Тогда отойдите.
- Она ждет связи.
- Отойдите.
Леон смотрел, как Дамира укладывают на транспортную платформу.
Показатели появились над носилками.
Жив.
Тяжелое состояние.
Но жив.
Леон почувствовал облегчение настолько сильное, будто речь шла о близком человеке.
Он написал соседке.
Дамир найден. Жив. Его эвакуируют. Состояние тяжелое.
Ответа не было.
Наверное, она еще не видела.

Кай подошел.
- Кто?
- Сын соседки.
- Жив?
- Да.
Кай кивнул.
Потом посмотрел на комплекс.
- Это уже война.
- Мы не знаем.
- Посмотри вокруг.
- Взрыв еще не означает войну.
- Трое убитых днем. Сейчас это.
- Мы не знаем, кто сделал.
- Какая разница?
Леон посмотрел на него.
- Огромная.
Кай хотел ответить.
И тогда произошел второй взрыв.
Он был ближе.
Слишком близко.
Сначала вспышка.
Потом удар.
Леон успел увидеть, как Кай поворачивается.
Потом мир исчез.
* * *
Он не чувствовал боли.
Это было первое, что показалось странным.
Потом появился звук.
Очень далекий.
Как будто кто-то бил по металлической стене под водой.
Леон попытался открыть глаза.
Не получилось.
Тело не слушалось.
Где-то рядом кричали.
Потом звук стал громче.
Кто-то тряс его за плечо.
- Леон!
Кай.
Леон попытался ответить.
Из горла вышел воздух.
Наконец глаза открылись.
Небо.
Розовое марсианское небо.
На нем медленно двигался дым.
Кай стоял над ним.
На лице кровь.
Снова.
Только теперь больше.
- Слышишь меня?

Леон моргнул.
- Да.
Собственный голос показался чужим.
- Где болит?
Он попытался понять.
Грудь.
Спина.
Голова.
Везде.
- Не знаю.
- Великолепно.
Кай что-то крикнул спасателям.
Леон повернул голову.
Пожалел.
Мир качнулся.
В нескольких метрах лежали обломки.
Часть стены разрушилась.
Люди двигались.
Кто-то бежал.
Кто-то лежал.
- Что взорвалось?
- Не разговаривай.
- Кай.
- Потом.
Леон попытался подняться.
Боль ударила сразу.
Резко.
В грудь.
Он застонал.
Кай прижал его обратно.
- Лежать.
- Я нормально.
- Ты всегда это говоришь, когда явно не нормально.
Леон хотел усмехнуться.
Не получилось.
Медицинский дрон завис над ним.
Сканирующий луч прошел по телу.
Красные предупреждения появились в воздухе.
Кай увидел их.
Лицо изменилось.
- Что?
- Ничего.
- Кай.
- Замолчи.
Вот теперь Леон испугался.
Не из-за боли.
Из-за лица Кая.
Он никогда не умел скрывать страх.
Спасатели подбежали.

Что-то ввели в шею.
Боль стала мягче.
Мир тоже.
Леон смотрел на небо.
Странно.
Он всю жизнь прожил на Марсе и редко просто смотрел вверх.
Сейчас оно было красивым.
Пыль делала горизонт красным.
Выше цвет уходил в бледное золото.
Как будто планета сама светилась.
- Давление падает! - крикнул кто-то.
- Кровотечение?
- Внутреннее.
- Транспорт сюда!
Леон попытался повернуть голову к Каю.
- Эй.
- Я здесь.
- Соседке напиши.
- Кому?
- Дамир

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.